

Литрес ≡ Классика

Герберт Уэллс

ПИЩА БОГОВ

Герберт Джордж Уэллс

Пища богов

«ЛитРес»

1904

Уэллс Г.

Пища богов / Г. Уэллс — «ЛитРес», 1904

Два учёных, Бенсингтон и Редвуд, создают вещество, способное безостановочно стимулировать рост живых организмов. Поначалу эксперименты кажутся многообещающими, но вскоре «Пища богов» выходит из-под контроля и начинает стремительно распространяться по Земле. Очень быстро на смену всеобщему изумлению приходит ужас: появляются гигантские осы и крысы, а затем и новое поколение людей-великанов. Роман поднимает вопросы об ответственности науки и о границах вмешательства в законы природы.

© Уэллс Г., 1904

© ЛитРес, 1904

Содержание

Книга первая	6
Открытие пищи	6
1	6
2	8
3	9
Опытно-показательная ферма	11
1	11
2	13
3	15
4	17
5	18
6	19
7	20
8	21
Гигантские крысы	25
1	25
2	27
3	29
4	31
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Герберт Уэллс Пища богов

Перевод *В. Богораз*

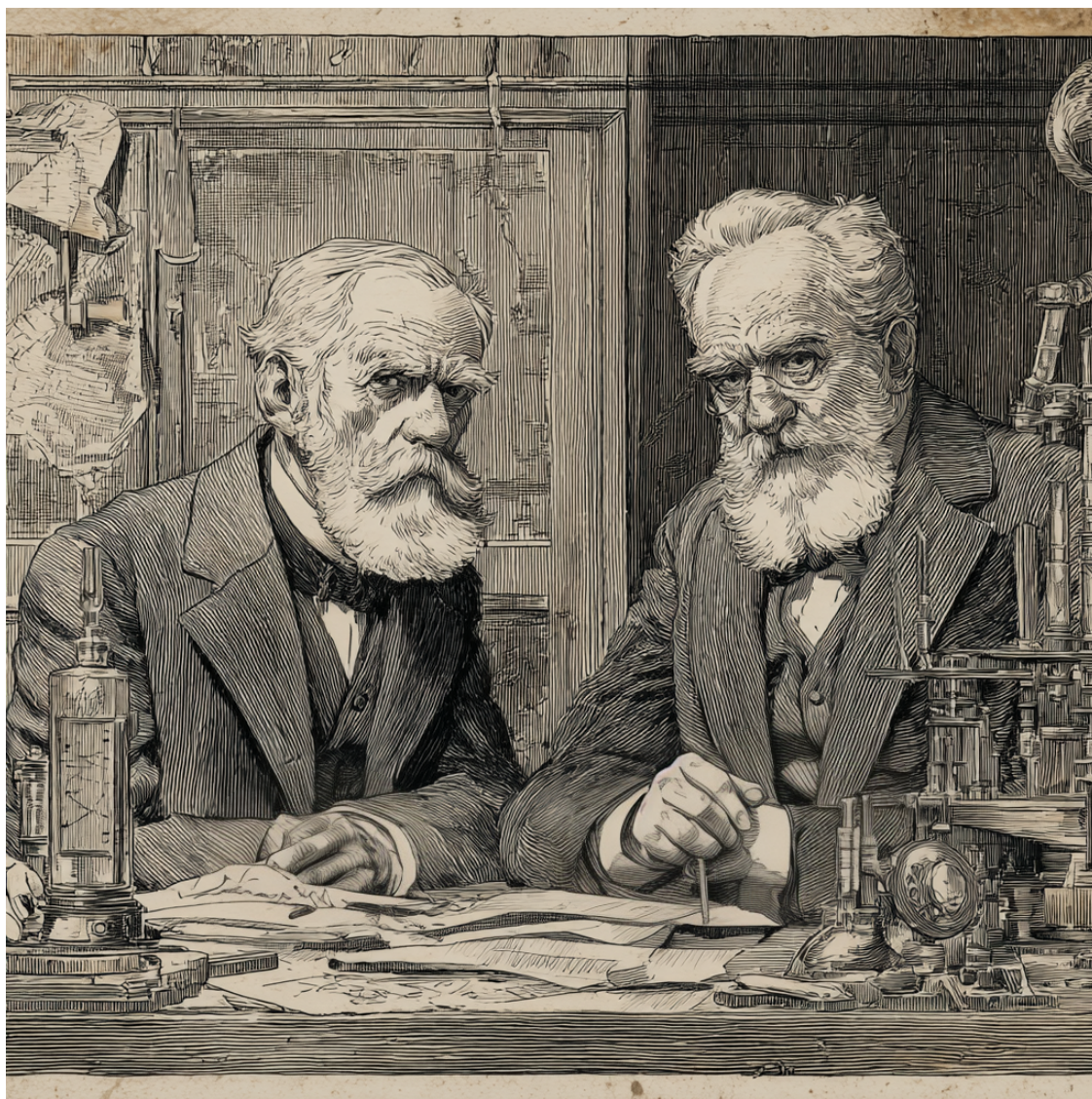
ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Книга первая

Открытие пищи

1

К середине девятнадцатого столетия в нашем весьма странном мире впервые начинает разрастаться класс людей (по большей части случаев пожилых), которых совершенно правильно называют «учеными», но которые терпеть не могут этого имени. Они до такой степени его не любят, что в журнале «Природа», с самого начала ставшим их привилегированным органом, слово «ученый» никогда не употребляется, как будто бы его совсем нет в лексиконе. Но публика и пресса тем не менее величают их «учеными», когда о них заходит речь. «Многоуважаемый ученый», «наш известный ученый», «маститый ученый» — так мы обычно их величаем.

Как мистер Бенсингтон, так и профессор Редвуд, несомненно, заслужили любое из выше-названных прилагательных к слову «ученый» еще до своего чудесного открытия, о котором

говорится ниже. Мистер Бенсингтон был членом Королевского общества и экс-президентом Химического общества, а профессор Редвуд читал физиологию в Бонд-стритской коллегии Лондонского университета и периодически подвергался жестокой травле со стороны антививисекционистов. Оба с ранней юности посвятили себя науке и жили академической жизнью.

Как и все ученые, они обладали довольно невзрачной наружностью. В манерах и фигуре любого актера средней руки гораздо больше самоуверенности, чем во всех членах Королевского общества, вместе взятых. Мистер Бенсингтон был мал ростом, плешив и слегка заикался; он носил золотые очки и мягкие ботинки, во многих местах разрезанные из-за наличия мозолей. В наружности профессора Редвуда тоже не было ничего замечательного. До открытия «Пищи богов» (я настаиваю именно на этом названии) они жили в такой неизвестности, какая выпадает на долю лишь выдающимся ученым, а потому я ничего не могу сообщить читателю об их прошлом.

Мистер Бенсингтон завоевал свои шпоры (если можно так выразиться о джентльмене, носящем мягкие ботинки) замечательным исследованием ядовитых алкалоидов, а профессор Редвуд прославился... что-то не припомню даже, чем! Знаю только, что чем-то очень важным. Кажется, он написал толстую книгу о мышечных рефлексах, с многочисленными диаграммами и прекрасно составленной новой терминологией.

Широкая публика, конечно, ничего не знала ни об одном из этих джентльменов. Иногда, впрочем, в таких местах, как королевский институт или академия художеств, она имела случай полюбоваться багровой плешью и стоячими воротничками мистера Бенсингтона и послушать его бормотанье. Раз, помню, очень давно, когда Британская Ассоциация заседала в Дувре, я случайно попал в одну из ее секций – озаглавленную то ли С, то ли В, а может быть, и какой-то другой буквой – и вслед за двумя очень серьезными дамами просто из любопытства проник в темный зал, на одной из стен которого ярким пятном выступал круг от волшебного фонаря с непонятными для меня диаграммами профессора Редвуда. Долго смотрел я на беспрестанно менявшиеся рисунки, прислушиваясь к шипенью фонаря, к тихому голосу профессора и к каким-то другим звукам, совершенно необъяснимым, как вдруг зал осветился, и я понял, что эти последние звуки обуславливаются дружным жеванием булок и сэндвичей, принесенных с собою запасливыми членами Ассоциации.

Редвуд продолжал говорить, прохаживаясь перед экраном, на котором только что красовались его диаграммы. Вид у него был самый обыкновенный. Черноволосый, худенький, нервно-торопливый, он напоминал человека, вместе с чтением доклада занятого чем-то посторонним.

Бенсингтона мне тоже случилось один раз послушать – на педагогическом съезде в Блумсбери. Подобно большинству химиков и ботаников, он считал себя знатоком в педагогике, хотя, по-моему, не годился бы даже в учителя начальной школы. Насколько я помню, мистер Бенсингтон пропагандировал тогда какое-то усовершенствование в эвристическом методе профессора Армстронга, благодаря которому с помощью аппаратов, стоящих триста-четыреста фунтов, и при исключительном внимании к делу как учеников, так и учителей, можно было бы самого обыкновенного мальчика в течение десяти-двенадцати лет обучить химии так же хорошо, как и по дешевым, распространенным тогда учебникам.

При своей учености, оба почтенных джентльмена были, как видите, самыми обыкновенными людьми. Пожалуй, даже менее практичными, – это можно сказать обо всех ученых на свете. Широкая аудитория не замечает в них ничего замечательного, а мелочи, напротив, всем бросаются в глаза.

Вообще говоря, нет более мелочных людей, чем ученые. Живут они по большей части в тесном кружке собратьев по науке, почти в монастырской обстановке, вечно занятые своими исследованиями. Кроме удовлетворения собственного мелочного самолюбия, их ничего не интересует. Забавно смотреть на какого-нибудь маленького, сухонького, седенького, неловкого

и самодовольного «великого ученого», когда он, украшенный широкой лентой какого-нибудь ордена, принимает поздравления своих коллег. Забавно читать в журнале «Природа» ламентации на тему о «презрении к науке», когда ангел новогодних наград минует членов Королевского общества, не оставив им ничего на память. Забавно слушать какого-нибудь неугомонного труженика в области гистологии тайнобрачных, когда он критикует труды другого такого же труженика той же почтенной науки. Все это только иллюстрирует человеческую мелочность.

Несмотря на свою мелочность, однако же, наши двое ученых сделали удивительное открытие, чреватое важными последствиями для человеческого рода, такое, которое было бы под силу только великим людям. Они, пожалуй, сами не сознавали важности того, что делают. Положим, и мистер Бенсингтон, и профессор Редвуд в юности, выбирая себе профессию, отдавая свои силы соответствующим наукам, не могли не руководствоваться отчасти и фантазией – мечтами о славе, о величии своего призвания. Без такой мечты разве мог бы молодой человек всецело отдаться делу, которое сулит ему только положение «ученого»?

Нет, они, несомненно, понимали, что делают, несомненно, мечтали, а не только копались в науке. Но величие открытия осенило их настолько, что сами они, увидев это величие вблизи, перестали верить в него.

Поэтому-то, может быть, Редвуд сделался таким неуживчивым и раздражительным.

2

Я называю «Пищей богов» то вещество, которое открыли Бенсингтон и Редвуд. Последующие события доказали уже, да и впредь не перестанут доказывать, что я несколько не преувеличиваю.

Но мистер Бенсингтон был, в сущности, так же неспособен дать своему открытию это название, как выйти из своей квартиры на Слэн-стрит в пурпурной тоге и лавровом венке. Это название вырвалось у него в первую минуту под влиянием научного восторга, но он тотчас же признал его нелепым.

Как и подобает настоящему «ученому», увидав величие вблизи, он тотчас же закрыл перед ним глаза. Окрестить свое открытие «Пищей богов» ему показалось почти наглостью. Он даже удивился, что такое название вырвалось у него в первую минуту.

А все-таки... а все-таки, я полагаю, что в глубине души он и сам не знает настоящей цены своего открытия: это видно по нему иногда...

– Ну да, знаете ли, – говорил он как-то раз, потирая руки и нервно посмеиваясь, – это представляет интерес не с одной только теоретической точки зрения...

Затем, нагнувшись к уху профессора Редвуда, он прошептал:

– При надлежащей постановке дела мы могли бы, пожалуй, продавать это как пищу, или, по крайней мере, как составную часть пищи.

– Как назвать? – продолжал он, отвечая на вопрос Редвуда и пристально рассматривая разрезы на своих мягких ботинках. – Мне кажется, что нужно остановиться на каком-нибудь тонком классическом намеке... Это соответствует достоинству науки. Я думал... вы, может быть, найдете мою фантазию смешной... но иногда позволительно немного пофантазировать... что вы скажете насчет Гераклеофорбии? А? «Пища Геркулеса»?! Но если это вам не нравится...

Редвуд сидел молча и ничего не возражал.

– Можно, пожалуй, назвать Титанофорбией – «Пищей титанов»... Вы предпочитаете первое название? Вы не находите, что оно несколько...

– Нет, не нахожу.

– А, тем лучше! Очень рад!

Итак, они назвали свое открытие Гераклеофорбией. Это название употреблено и в докладе Королевскому обществу, который однако же, так и не был напечатан вследствие дальнейших неожиданных событий. Собственно говоря, было четыре сорта Гераклеофорбии, и только последний из них, четвертый, я называю здесь «Пищей богов».

3

Идея открытия принадлежала Бенсингтону, но так как она была подсказана ему одной из работ профессора Редвуда, то Бенсингтон считал долгом посоветоваться с этим джентльменом о дальнейшей работе. Сама идея была в равной мере и из области физиологии, и из области химии.

Профессор Редвуд принадлежал к числу ученых, питающих пристрастие ко всевозможным диаграммам и кривым. Вы ведь знакомы, конечно, с научными работами этого рода. Текст в них обыкновенно очень краткий, а в конце помещены пять или шесть больших складывающихся листов с диаграммами, на которых начерчены неудобопонятные кривые и ломанные, сплошные или пунктирные, иногда разноцветные линии с абсциссами и ординатами. При взгляде на них невольно приходишь к заключению, что не только ничего не понимаешь, но и сам автор едва ли понимал то, что чертил. Но на самом деле многие ученые хорошо понимают свои диаграммы, только не умеют сделать их понятными и для нас.

Я полагаю, что Редвуд даже думал диаграммами и кривыми. После своей капитальной работы над мышечными рефлексами (незнакомому с наукой читателю предлагается подумать хорошенько над этим названием, и оно станет для него вполне ясным) Редвуд стал чертить кривые роста. Одна из этих его работ подмазала Бенсингтону новую идею.

Редвуд, видите ли, измерял рост всего, что только может расти: котят, щенят, цыплят, грибов, цветов и даже собственного ребенка (пока позволяла жена), причем успел доказать, что рост идет не по прямой линии:

Рис. 1.

а с перерывом, по ломаной, вот так:

Рис. 2.

и не в одном каком-нибудь случае, а во всех, и что иначе рост происходить не может, так как по временам что-то его задерживает. Причину задержки Редвуд приписывал истощению в крови запаса какого-то вещества, очень медленно возобновляемого. Вещество это Редвуд уподобил маслу в машине. Так как растущее животное есть не что иное, как машина, то быстро идти вперед оно может лишь тогда, когда смазано. («Почему бы не смазывать машину извне?» – подумал Бенсингтон, прочитав это место.)

– Не может ли это бросить некоторый свет на роль иных, лишенных протоков желез в организме? – прибавил Редвуд в конце своего доклада, как будто таким железам нечего больше делать!

В следующем сообщении Редвуд пошел еще дальше. Он представил целый букет диаграмм, смысл которых (если в них только был какой-нибудь смысл) состоял в том, что как в крови котят, так и щенят, и цыплят, и даже в соке грибов во время усиленного роста появляется избыток некоторых веществ, отсутствующих при задержке роста.

И вот, когда Бенсингтон рассмотрел эти диаграммы и прямо, и боком, и вверх ногами, то заподозрил, что вышеозначенные вещества суть именно те самые, которые ему только что удалось изолировать при своих работах над алкалоидами, особенно сильно возбуждающими нервную систему. Положив брошюру Редвуда на пюпитр, приделанный к креслу, и отодвинув его в сторону, Бенсингтон снял свои золотые очки, дохнул на них, тщательно вытер платком и задумчиво произнес:

– Клянусь Юпитером!

Затем он опять хотел подвинуть к себе пюпитр, но последний, кокетливо перевернувшись на шарнире, сбросил с себя брошюру Редвуда, причем все диаграммы разлетелись по полу. Ползая на четвереньках, чтобы собрать их, Бенсингтон в первый раз и придумал назвать свое открытие «Пищей богов»...

Если он прав, и Редвуд тоже прав, то стоит только в любой растущий организм ввести каким-нибудь образом открытые вещества, – не будет больше задержек в росте. Вместо того, чтобы идти так:

Рис. 3.

рост пойдет вот так:

Рис. 4.

В ночь, последовавшую за совещанием с Редвудом, Бенсингтон не мог сомкнуть глаз. Задремав ненадолго, он увидел сон: будто бы он провертел глубокую дыру в земле и целыми тоннами валит туда «Пищу богов», а земля от этого все пухнет и пухнет, границы государств раздвигаются, и Королевское географическое общество, точно какой-то всемирный цех портных, торопливо распарывает экватор.

Сон привиделся, конечно, смешной, но он показал, до какого возбуждения дошел мистер Бенсингтон и какую громадную цену придавал он своему открытию. Иначе я о нем и не упомянул бы, потому что пересказ снов считаю пустым занятием.

По странному стечению обстоятельств, и профессор Редвуд видел в ту же ночь сон, который графически можно изобразить так:

Рис. 5.

Это была диаграмма, огненной чертой проведенная на длинном свитке безграничного пространства. А сам он (Редвуд) стоит будто бы на какой-то планете, на черной платформе и, указывая на диаграмму, читает доклад перед Державным Сонмом Первичных Сил, – тех самых сил, которые прежде обуславливали всякий рост (живых существ, империй, рас, миров) вот на такой манер:

Рис. 6.

и иногда даже вот на какой:

Рис. 7.

Теперь же, благодаря его открытию, дело пойдет совсем иначе, – так, как показано на диаграмме № 1.

Все это смешно. Но в то же время и многозначительно.

Этим я, конечно, вовсе не хочу сказать, что следует верить снам...

Опытно-показательная ферма

1

Мистер Бенсингтон сначала предложил испытать свое вещество на головастиках. Так уж принято, что все опыты производятся сначала над головастиками, – для того, должно быть, они и созданы.

Было условлено также, что исследование будет вести Бенсингтон, а не Редвуд, так как лаборатория последнего была занята баллистическим аппаратом и телятами, нужными ему для изучения дневных колебаний роста и способности бодаться. Это исследование давало замечательно оригинальные и сложные кривые, однако в одном помещении с телятами невозможно было держать ломкие стеклянные сосуды с головастиками.

Но когда Бенсингтон сообщил о своем намерении кузине Джен, то она тотчас наложила вето на доставку сколько-нибудь значительного количества головастиков под мирную кровлю их совместного жилища. Против превращения одной из комнат в химическую лабораторию она ничего не имела и позволила устроить там все необходимые приспособления – всем известно, что часто мужчины даже пьянствуют, а занятия химией все-таки лучше пьянства, тем более, что ведут иногда к некоторым открытиям. Но допустить в эту комнату головастиков, испортить, воздух, – на это она никак не могла согласиться ввиду плохого здоровья Бенсингтона.

Тщетно Бенсингтон говорил ей о важности своего открытия, о возможности разбогатеть; она отвечала, что все это очень хорошо, но что если бы она согласилась пожертвовать ради чего бы то ни было чистотой, порядком и гигиеничностью обстановки, то он первый пострадал бы от этого.

Мистер Бенсингтон, позабыв даже о своих мозолях, сердито расхаживал по комнате и тщетно старался урезонить свою кузину самыми вескими доводами. Он говорил, например, что ничто не должно мешать прогрессу науки, а она возражала на это, что прогресс науки тут ни при чем и что головастикам в комнате не место; он говорил, что в Германии ему тотчас же отвели бы для опытов двадцать тысяч кубических футов под лабораторию, а она отвечала на это, что весьма радовалась и теперь весьма рада, что не родилась немкой; он говорил, что работа его прославит, а она отвечала, что скорее он заболит от этой работы с головастиками; а когда Бенсингтон напомнил кузине, что он хозяин в своем доме, то она отвечала, что скорее пойдет в сиделки, чем согласится жить в одной квартире с головастиками,

Тогда мистер Бенсингтон стал взывать к ее благоразумию, а кухня Джен – к его благоразумию; он потребовал, чтобы она относилась с уважением к его научным идеям, а она объявила, что не может уважать идей, ведущих к воцарению беспорядка и портящих воздух. Тогда мистер Бенсингтон вышел из себя и – вопреки мнению Гексли по этому поводу – выругался. Не то, чтобы очень резко, но все-таки выругался.

А затем ему пришлось, конечно, просить прощения и навсегда отказаться от мысли завести в своей квартире головастиков.

Таким образом, Бенсингтон должен был придумывать другой путь для осуществления своей идеи. Несколько дней он тщетно ломал голову над этим вопросом, а потом вдруг случайно, читая газету, попал на объявление о продаже цыплят с опытно-показательной фермы.

Это навело его на блестящую мысль. Ну конечно, экспериментальная ферма и цыплята! Мистер Бенсингтон даже вздохнул, представив себе необычайный рост цыплят. Он тотчас же представил себе все разрастающиеся размеры курятников, а затем продажу кур необычайной величины, которая окупит все расходы. Да и в самом деле: цыплята так доступны, их так легко кормить и воспитывать, без всякой возни и пачкотни. Разве можно их сравнить с такими

дикими и неудобоконтролируемыми существами, как головастики! Странно даже, что мысли о них пришли в голову раньше мысли о цыплятах. Кузина Джен будет даже очень довольна.

Редвуд, со своей стороны, также изъявил полное согласие. По его мнению, физиологи делают большую ошибку, избирая для своих опытов слишком маленьких животных. Ведь это все равно, что производить химические реакции с недостаточным количеством веществ: неизбежные при всякой работе ошибки будут очень заметны. Чрезвычайно важно сейчас же доказать ученым, что они должны брать крупный материал для своих опытов. Потому-то он теперь как раз и работает над телятами, хотя это не совсем удобно для студентов и профессоров, встречающихся иногда с материалом в узких коридорах здания лаборатории. Но когда будут опубликованы в высшей степени интересные кривые, которые он теперь добывает при помощи этого материала, то, надо надеяться, все одобрят его выбор. Вообще, что касается его лично, то он никогда бы не стал работать над животными, уступающими по размерам слону или киту, если бы только это позволяли средства, которыми располагает наука в стране. К сожалению, устройство достаточно просторного вивария в настоящее время в Англии совершенно невозможно. Вот в Германии... И так далее.

Выбор и устройство фермы, так же, как и все предварительные издержки, выпали опять-таки на долю Бенсингтона, так как все внимание Редвуда было поглощено телятами. Он ежедневно разъезжал по всем железным дорогам, ведущим на юг от Лондона, причем его очки, плешь и рваные ботинки производили самое неблагоприятное впечатление на продавцов ферм.

Помимо забот о ферме, он должен был позаботиться и о необходимом для ведения дела персонале. С этой целью мистер Бенсингтон поместил в журнале «Природа» и в газетах объявление, приглашающее молодую или средних лет чету (состоящую в законном браке), аккуратную, деятельную и умеющую ухаживать за курами, заведовать опытно-показательной фермой в три акра.

Наконец, подходящая ферма нашлась в Хиклиброу, близ Уршота, в Кенте. Это была маленькая, уединенная полянка в густом сосновом лесу, по ночам очень мрачном. Крутой выступ песчаного холма загораживал от нее солнце, а полуразрушенный колодец с едва державшимся навесом придавал уродливый вид маленькому, старенькому домику с разбитыми окнами и сарайчику, в котором даже днём было темно. Ферма эта находилась в двух милях от крайних домов ближайшего городка, и уединенное ее положение едва ли скрашивалось странными отголосками, гулко отвечавшими на каждый звук.

Купив ферму, мистер Бенсингтон при возвращении в Лондон остановился в Дентон-Грине и покончил дело с выбором четы из массы полученных им предложений. Затем он вернулся домой и успел еще получить достаточное для начала опытов количество Гераклеофорбии № 1.

Чета, выбранная мистером Бенсингтоном для того, чтобы быть первой распространительницей «Пищи богов» на земле, оказалась не только довольно дряхлой, но и крайне неопрятной. Этого последнего обстоятельства наш ученый не заметил, потому что в обыденной жизни ученость вообще не совместима с наблюдательностью.

Чета звалась Скиннерами – мистер и миссис Скиннер. Они приняли Бенсингтона в маленькой грязной комнатке с герметически закупоренными окнами, с разбитым надкаминным зеркалом и несколькими чахлыми цветами в горшках.

Миссис Скиннер оказалась очень маленькой старушкой, с грязными седыми волосами, зачесанными назад и туго притянутыми к затылку от маленького, сморщенного личика, которое благодаря отсутствию зубов и крошечному подбородку превратилось почти в один только нос. На ней надето было серое – или, по крайней мере, когда-то бывшее серым – платье, заплаванное на локтях красной фланелью. Впустив Бенсингтона, она принялась его «занимать», пока мистер Скиннер приводил в порядок свой туалет. По ее словам, они с мужем долгое время

занимались искусственным разведением кур, имели собственную ферму, прекрасно изучили все, касающееся инкубаторов, и разорились только из-за отсутствия учеников.

– Ученики, знаете ли, составляют главный доход в этом деле, – прибавила старушка.

В эту минуту появился мистер Скиннер, худой, широколицый, плохо выбритый старик, в рваных домашних туфлях и куртке, которая так же, как и его рубашка, была совершенно лишена пуговиц, так что он вынужден был поддерживать ворот рукою. Вдобавок ко всем своим преимуществам мистер Скиннер был косоглаз и косноязычен. Один глаз его смотрел в потолок, а другой подозрительно осматривал фигуру мистера Бенсингтона. Одна рука была занята придергиванием воротника, а указательный палец другой что-то чертил на клеенке, покрывающей стол. Общее выражение – тупое и угнетенное.

– Жначит, вы, шер, не желаете получать доходов ш фермы? Так, шер. Нам это вшо равно. Опыты, шер? Прекрасно!

Чета готова была хоть сейчас же отправиться к месту своего служения, так как в городе ей было нечего делать. Старик портняжничал, но это занятие не приносило хорошего дохода.

– Мешто неудобное, шер, далеко от центра, жаказчиков хороших нет, так что, ешли вам угодно...

Одним словом, через неделю мистер и миссис Скиннер были уже на ферме, вместе с плотником из Хиклиброу, которому поручено было привести в порядок дом и построить курятники. Понятное дело, что за время пребывания плотника на ферме чета Скиннер успела обсудить с ним характер и поведение мистера Бенсингтона со всех сторон.

– Я его еще плохо жнаю, – говорил мистер Скиннер,

– но по вшему видно, что это прошто дурак, ешли не сумашедший.

– Да, кажется, он немножко тронулся, – подтвердил плотник.

– Воображает о себе много! Думает, что, кроме него, и жа курами никто не ухаживал!

Эка невидаль, подумаешь!

– Напялил очки, да и думает, что видит лучше других, – ответил плотник.

Подвинувшись ближе к слушателю и смотря одним глазом в небо, а другим на свой нос, мистер Скиннер добавил с глуповатой улыбкой:

– Велел каждый день вжвешивать цыплят. Каждый день! Это чтоб жнать, как они раштут... А? Каково? Каждый день!

И, прикрыв рот рукою, мистер Скиннер засмеялся, а затем, вероятно для того, чтобы запечатлеть в памяти плотника свои слова, еще раз прибавил:

– Каждый день вжвешивать!

– От этого с ума сойдешь, прямо с ума сойдешь! – закончил плотник.

2

Экспериментальные работы тянутся вообще ужасно долго, так же как и доклады о них в ученых обществах, поэтому прошло много времени, прежде чем мистер Бенсингтон увидел первые признаки осуществления своей мечты.

Ферму он купил в октябре, а опыты с цыплятами начались только в мае, да и то первые из них оказались неудачными. Гераклеофорбия № 1, № 2 и № 3 действовали плохо; кроме того, пришлось много возиться с крысами и со Скиннерами. Мистера Скиннера можно было заставить что-нибудь делать только угрозой изгнания. Тогда он начинал тереть рукой свой подбородок – небритый, с чахлой растительностью – и, глядя одним глазом в небо, а другим на мистера Бенсингтона, заявлял:

– Ну, ражумеется, шер, ешли вы шерьежно...

В конце концов, однако, Бенсингтон дождался успеха, о чем его известило длинное письмо от Скиннера.

«Новый выводок вылупился, – писал последний, – и не похож на прежние. Цыплята здоровенные – гораздо больше, чем те, которых кормили из старой жестянки. Надо признаться, что и те были недурны, пока кошка их не съела, ну, а эти уж и не знаю! Никогда таких не видывал. Растут как лопухи. Клюются так здорово, даже через сапог, что я вам и описать не могу. Настоящие гиганты, и едят прорву. Скоро все зерно у нас выйдет. Не видывал, чтобы цыплята так ели. Больше, чем куры. Ежели так и впредь пойдет, то их можно будет на выставку послать, хотя они и простые. Вчера ночью подумал, что кошка опять подбирается к курятнику. Открыл окно – так и есть. Выхожу я – ее нет, только цыплята проснулись, потому что холодно. Насыпал корму и запер курятник покрепче. Подмешивать ли порошок по-прежнему? Скоро он весь выйдет. Мне бы не хотелось самому подмешивать из-за случая с пудингом. С лучшими пожеланиями от нас обоих и в надежде заслужить ваше благоволение,

остаюсь почтительнейше

Альфред Ньютон Скиннер».

Случай, на который намекало письмо, состоял в том, что Скиннеры нечаянно подмешали к молочному пудингу Гераклеофорбию № 2, в чем потом сильно каялись.

Читая между строк, Бенсингтон увидел в необычайном росте цыплят залог успеха. На следующее утро он отправился в Уршот с тремя закупоренными жестянками „Пищи богов“, которой хватило бы на всех цыплят Кента.

А когда солнце показалось над песчаным бугром, граничившим с полянкой, и он увидел своих цыплят, хотя еще покрытых желтым пушком младенчества, но рослых и прожорливых не хуже взрослого и уже женатого петуха, то должен был убедиться, что наступил, наконец, счастливый день в его жизни.

Войдя, по приглашению Скиннера, в курятник, Бенсингтон, однако, скоро вынужден был из него выйти – до такой степени больно клевались цыплята сквозь разрезы его ботинок. Пришлось стоять за решеткой и любоваться своими питомцами издали.

– Что ж из них выйдет, когда они шовшем вырастут, я шебе и предшавить не могу, – заметил мистер Скиннер.

– С лошадь величиною будут, – сказал мистер Бенсингтон.

– Именно ш лошадь!

– Одним крылышком можно будет сытно пообедать, – продолжал мистер Бенсингтон. – Целиком и жарить нельзя будет, придется по частям, как говядину.

– Однако не будут же они продолжать рашти по-прежнему? – сказал мистер Скиннер.

– Не будут, вы думаете? – спросил Бенсингтон, лукаво улыбаясь.

– Ражумеетша, не будут, – отвечал Скиннер. – Я ведь жнаю эту породу. Шначала раштут быстро, а потом... Нет! Куда им!

Последовала пауза.

– Вшо жавишит от ухода, – скромно заметил Скиннер. Бенсингтон быстро взглянул на него из-под очков.

– Мы выхаживали таких и прежде, – продолжал Скиннер, избегая взгляда своего собеседника, – я и мишиш Шкиннер.

Осмотрев бегло всю ферму, Бенсингтон опять вернулся к курятнику: очень уж его радовали такие результаты! Путь науки медленен и усеян терниями; в большей части случаев результатов приходится ждать годами, да и то часто неудачных. А тут всего несколько месяцев – и полная победа! Это даже слишком хорошо!

– Ведь им, кажется, всего только десять дней, – сказал Бенсингтон, любуясь цыплятами, – а они в шесть или семь раз больше обыкновенных.

– Ишь, лубуетша, – заметил вполголоса мистер Скиннер своей жене, – думает, что это от его дурацкого порошка!

Мистер Бенсингтон чувствовал себя необыкновенно счастливым и потому не придирался ни к каким упущениям в хозяйстве фермы, которые в этот яркий солнечный день особенно бросались в глаза. Например, решетка вокруг курятника была поломана.

– Лишица, должно быть, или шобака, – ответил мистер Скиннер на вежливое замечание об этом собственника фермы.

Инкубаторы были не вычищены.

– Когда ж мы будем чистить? Времени нет, – отвечал Скиннер.

На чердаке, где пища богов хранилась и смешивалась с отрубями, был полный беспорядок, грязь, в углах громадные дыры, прогрызенные крысами. Скиннеры оказались коллекционерами всякого хлама – битых горшков, жестянок из-под консервов и прочего. Весь этот хлам был свален на чердаке. Тут же, у одной из стен, лежала куча полугнилых яблок, а с потолка свешивались штук пять-шесть кроличьих шкурок, на которых Скиннер желал проявить свои таланты скорняка. („Немного на швете такого, чего бы я не жнал, – скромно говорил он“).

Бенсингтону все это, конечно, не понравилось, но особенного шума в такой счастливый день поднимать ему не хотелось. Даже когда он заметил, что в раскупоренную жестянку с Гераклеофорбией № 5 забрались осы, то и тогда решился только мягко заметить, что следовало бы держать порошок закрытым, а то он распыляется и портится от сырости.

Затем он поспешил перейти к тому, что задумал при первом взгляде на своих цыплят.

– Я полагаю, Скиннер, – сказал он, – что нам придется зарезать одного цыпленка, и я возьму его с собой в Лондон как образчик, – потом он снял очки, протер их и продолжал: – Мне бы хотелось, видите ли, сохранить что-нибудь на память об этом первом выводке и о... ну, в общем, надо будет зарезать одного цыпленка. А кстати, вы не кормите их мясом?

– Как можно, шер! Уверю вас, что мы слишком хорошо жнаем уход жа живностью вшакого шорта, чтобы не уметь ш нею обрашштатыпа.

– А не выбрасываете ли вы где-нибудь поблизости остатки от вашего обеда?.. Мне показалось, что я видел кости кролика вон в том углу...

Они пошли и обнаружили, что это был начисто обглоданный скелет кошки.

3

– Это не цыпленок, – сказала кузина Джен, пожалуй, даже с несколько большей горячностью, чем следовало. – Я думаю, что могу узнать цыпленка по внешнему виду. Во-первых, эта птица слишком велика для цыпленка, а во-вторых, вы и сами, я полагаю, видите, что это не цыпленок. Это молодая дрофа.

– Что касается меня, – сказал Редвуд, уступая взгляду Бенсингтона, пригласившему его вступить в разговор, – что касается меня, то я должен признаться, что принимая во внимание обстоятельства...

– Ну, конечно, – перебила кузина Джен, – если вы будете поступать таким образом, вместо того, чтобы прямо взглянуть на дело...

– Но, право же, мисс Бенсингтон...

– Продолжайте, продолжайте! – воскликнула кузина Джен. – Все вы, мужчины, как я вижу, одинаковы...

– Принимая во внимание все обстоятельства, как я уже сказал, это молодая птица... несомненно, она ненормально гипертрофирована, но все же... особенно, если вспомнить, что она выведена из нормального куриного яйца... я, во всяком случае, должен допустить, мисс Бенсингтон... обязан допустить, что это все-таки в некотором роде цыпленок.

– Так и вы думаете, что это цыпленок? – удивилась кузина Джен.

– Да... я так думаю, – сказал Редвуд.

– Какая бессмыслица! – воскликнула кузина Джен и, безнадежно взглянув на голову Редвуда, прибавила: – Да мне и некогда с вами разговаривать, – а затем внезапно повернулась и вышла из комнаты.

– Очень приятно видеть, что он был здоров, несмотря на свою величину, – сказал Редвуд, когда шаги кузины Джен замолкли вдали.

Затем, без всякого предложения со стороны Бенсингтона, он уселся поудобнее перед камином и признался в таком деянии, которое даже для неученого человека было бы непозволительным или, во всяком случае, неосторожным.

– Вы, может быть, подумаете, что с моей стороны было безрассудно, Бенсингтон, – сказал он, – но дело в том, что» я рискнул положить немножко... правда, очень немножко... нашего порошка в соску моего бэби... с неделю назад...

– Как же вы решились!? – удивился Бенсингтон.

– Знаю, сам знаю, – прервал его Редвуд и, взглянув на цыпленка, прибавил: – Ну, теперь беспокоиться нечего.

А затем полез в карман за папиросами, но, помолчав немного, решился рассказать подробности.

– Бедняжка, видите ли, не прибавлял в весе... ну, я, конечно, очень беспокоился... а тут этот Уинклс... бывший мой ученик, вы ведь его знаете. Пронырливый малый. Миссис Редвуд верит в него, как в Бога... а мне, разумеется, не верит... меня и в детскую-то не пускают... Надо же было что-нибудь делать... Я пробрался, когда нянька завтракала, да и всыпал немножко...

– Ничего. Он только лучше расти будет, – успокоил его Бенсингтон.

– Да он и растет. Двадцать семь унций прибавил за последнюю неделю... А послушали бы вы Уинклса: «Это, – говорит, – от хорошего ухода».

– Вот и Скиннер то же говорит о цыплятах. Редвуд опять поглядел на цыпленка.

– Трудно было продолжать кормление, – сказал он. – Не пускают меня одного в детскую... с тех пор, как попробовал записывать кривые роста Джорджина, помните? Как я теперь дам ему вторую дозу, уж не знаю.

– А нужно?

– Да, вот второй день кричит... Видно, мало ему обыкновенной пищи.

– Так вы бы сказали Уинклсу.

– Черт бы побрал Уинклса! – воскликнул Редвуд.

– Сходите к нему домой, да и попросите дать порошка ребенку.

– Придется, должно быть, – отвечал Редвуд, задумчиво глядя в огонь.

Бенсингтон подошел к цыпленку и погладил его.

– А ведь чудовищной величины будет, – сказал он.

– С лошадь?

– Пожалуй, больше.

– Да, Редвуд, – продолжал Бенсингтон, подходя к камину, – наши цыплята наделают много шума.

Редвуд кивнул головой.

– И мальчик тоже, клянусь Юпитером! – прибавил Бенсингтон, блестя очками.

– Я тоже так думаю, – подтвердил Редвуд.

Затем он бросил недокуренную папиросу в огонь, развалился в кресле, засунул руки в карманы панталон и продолжал:

– Я только что об этом думал. Гераклеофорбия – удивительное вещество. Как быстро вырос этот цыпленок!

– Так же быстро станет расти и ваш мальчик, – добавил Бенсингтон, смотря на цыпленка. – Ну, уж и велик же будет, я думаю!

– Я ему буду давать небольшие дозы, – сказал Редвуд. – Во всяком случае, Уинклс не даст больших.

– Для опыта и этого достаточно.

– Разумеется.

– А ведь все-таки, рано или поздно, нам придется давать детям и большие дозы, – сказал Бенсингтон, помолчав немного.

– Испробуем на каком-нибудь ребенке.

– Пока я не видел этих цыплят, – сказал мистер Бенсингтон, вытирая очки, – я не думал о последствиях нашего открытия... Вот теперь только начинаю немножко предвидеть их...

И все-таки, могу вас уверить, мистер Бенсингтон совсем не подозревал, какой страшной бомбой станет его небольшой опыт.

4

Это происходило в июне. В течение нескольких недель Бенсингтон не мог съездить на ферму из-за жестокого, хотя и воображаемого, катара бронхов, так что вместо него поехал Редвуд и вернулся в полном восторге от роста цыплят.

Но вот тут-то и стали появляться осы.

Первая гигантская оса была убита за неделю до бегства цыплят с фермы, уже в конце июля. Сообщение об этом было помещено во многих газетах, но Бенсингтон, должно быть, не читал их, а если и прочел, то не догадался о какой-либо связи этого происшествия с его опытами.

А дело было совсем простым. Теперь уже со всей очевидностью выяснилось, что Скиннеры очень небрежно обращались с Гераклеофорбией № 5 и что осы, пожалуй, еще раньше цыплят начали пожирать ее и таскать в свои гнезда на песчаном холме. Несомненно, что «Пища богов» подействовала на них так же, как и на цыплят. Понятно, что осы достигли зрелости гораздо раньше, чем куры или другие животные, также воспользовавшиеся небрежностью Скиннеров, поэтому-то первые и выступили на арену истории.

Встретивший впервые и, к счастью для себя, убивший неслыханное чудовище, был лесничий подполковника Руперта Хика, по фамилии Годфрей.

Обходя с ружьем в руках (опять-таки, к счастью для него, двуствольным) парк подполковника, он зашел в соседний буковый лес. Там на одной из полянок он в первый раз и увидел гигантскую осу. Рассмотреть ее хорошенько он не мог, так как она летела против солнца, но шум ее полета походил на рев мотора.

– Я, признаюсь, струсил, – рассказывал Годфрей, – так как увидел нечто, похожее по величине на сову, но летящее совсем не по-птичье! Это, разумеется, сразу было заметно для опытного глаза.

Недолго думая, Годфрей по охотничьему инстинкту выстрелили в невиданное чудовище, но дрожала ли у него рука или он плохо прицелился, но только лишь часть заряда попала в цель, так что чудовище упало в траву с характерным для осы жужжанием, а потом опять взлетело и бросилось прямо на Годфрея.

Разрядив второй ствол не дальше как в двадцати ярдах, лесничий бросил ружье и кинулся бежать, иногда оглядываясь назад. Оса, по его словам, несколько раз падала, потом возобновляла преследование и снова падала. Когда она перестала подниматься в воздух, Годфрей остановился, нашел ружье, зарядил опять оба ствола и тогда решился подойти к изгибающейся в предсмертных судорогах осе, в которую он тут же и всадил оба заряда.

Насекомое оказалось, разумеется, совершенно изуродованным: все брюшко у него было вырвано и раздроблено выстрелами, но Годфрей все-таки догадался измерить его остатки. По его показанию, в ширину тело осы с расправленными крыльями достигало двадцати семи с

половиной дюймов; длина жала – трех дюймов; глаза были величиною с монету в один пенс, а длина тела была приблизительно около восемнадцати дюймов. Все эти измерения впоследствии оказались почти вполне точными.

Спустя сутки после этого велосипедист, проезжавший между Севеноксом и Тенбриджем, чуть не наехал на другую такую же осу, которая переползала через дорогу. От испуга она взлетела вверх, шумя «наподобие паровой пилы», а он упал с велосипеда, и когда пришел в себя, то увидел осу, летящую над кустами по направлению к Вестерграму.

Велосипедист был так испуган, что, проехав немного, слез с велосипеда и долго отдыхал около дороги. В Ашфорд он к вечеру не попал, а остановился в Тенбридже.

После этого слухов о гигантских осах почему-то не было целых три дня. Подняв метеорологические записи за эти дни, я убедился, что в эти дни все время шел дождь, а местами были даже ливни. Нельзя ли этим объяснить отсутствие ос?

На четвертый день погода стояла жаркая, солнечная, и осы появились целыми роями. Трудно сказать, сколько их было всего, но в газетах можно было найти более пятидесяти сообщений об их столкновениях с людьми. Один лавочник даже погиб при этом. Увидав гигантскую осу над бочкой с сахаром, он ударил ее лопатой, подвернувшейся под руку, сбил на землю и раздавил, но она успела прокусить ему ногу через сапог, причем он умер почти мгновенно, даже раньше своего врага.

Самым драматическим из всех появлений гигантских ос в публике был, конечно, визит одной из них в читальную залу Британского музея днем, когда там было много народа.

Сначала она набросилась на одного из голубей, мирно прохаживавшихся на дворе здания. Схватив голубя, она утащила его на карниз, где и съела на свободе. Потом она стала сползать по карнизу вокруг купола и, встретив открытое окно, с шумом влетела в зал. Появление ее вызвало, конечно, панику между читателями, но оса, полетав немного под потолком, мирно вылетела, кажется, в то же окно.

Большинство других встреч с осаами прошло более или менее благополучно. Так, одна из них разогнала компанию, собравшуюся на пикник в Альдинстон-Кнолле, и поела варенье и сласти. Другая убила и разорвала на части щенка в Уайт-стэбле на глазах у дамы, которой этот щенок принадлежал.

На лондонских улицах в это время только и слышались возгласы газетчиков о гигантских осах в Кенте; во всех газетах им посвящались длинные статьи. Даже профессор Редвуд, мало интересовавшийся газетными известиями, однажды, выходя из своей коллегии после бурного заседания комитета, сделавшего ему замечание по поводу слишком крупных сумм, которые он тратит на своих телят, соблазнился и купил газету. Прочитав известие об осах, он забыл о телятах и обо всем на свете, нанял извозчика и помчался к Бенсингтону.

5

Уже при входе в квартиру последнего он услышал громкий голос Скиннера, звучавший трагически и подчас переходивший в вопль.

– Нам, шер, совершенно невозможно там оштататша! – гремел Скиннер. – Мы вшо ждали, не будет ли лучше, а дела идут все хуже, шер. Не одни только оши, шер, там теперь завелишь ухвертки вот такой величины, шер! (При этом Скиннер протянул руку, а другою отмерил еще половину своей грязной груди). Мишшиш Шкиннер лишилась чувств, когда увидала такую! А крапива – во, шер! На ней теперь во какие колючки, а хмель, который рош под окнами, ведь он нынче ночью чуть не жадушил мишшиш Шкиннер череж окно. А вшо это от вашего порошка, шер. Где ни прошипеть его немножко, там вшо и раштет и раштет, да так, что я никогда не видывал. Нет, шер, мы никак не можем дожить там до конца мешаца!

Шовершенно невозможно! Наш ешли оши не жажалят, так хмель жадушит! Да и не выбереща потом из травы! Нет, шер, вы не можете шебе предштавить...

Увидав профессора Редвуда и раскланявшись с ним, Скиннер продолжал:

– Да почем еще жнать, не появятша ли крыши, шер? Я вот о чем больше думаю. До сих пор мы еще не видали больших крыш, но ведь почем жнать? Уховерток-то мы видели... две их было... с большую шуку величиной, шер... А тут оши, а вот – хмель... Ош-то я шам шлышал, шер, и видел швоими глазами... Я и теперь тряшушь, шер, как подумаю о мишшиш Шкиннер! Хмель-то ведь так жаплел вшо кругом, что череж него и не проберешьша... точно жмеи... а она и не жаштрахована...

– А как цыплята? – спросил Бенсингтон. – Живы они?

– До вчерашнего дня мы их кормили, шер, а нынче не пошмели. Оши жужжат так, што шлушать штрашно. Дюжинами, шер, налетели, и величиною с добрую утку. Я говорю жене: «Пришей, – говорю, – мне пуговицы, надо ехать в Лондон, к миштеру Беншингтону, а ты, – говорю, – оштавайшя в комнате и не выходи никуда, пока не вернушь. Да и окна-то, – я говорю, – жакрой поплотней»...

– Если бы вы не были так непростительно неаккуратны...

– Ах, не говорите этого, шер! По крайней мере не теперь, когда у меня шердце болит за мишшиш Шкиннер! У меня не то на уме. Подумайте о крышах! Что, ешли они шъели мою штаруху, пока я тут!

– И ведь ни одного-то измерения вы не сделали для кривых роста! – укоризненно вставил профессор Редвуд.

– Не до того было, шер! Ешли б вы жнали, школько нам пришлось терпеть, мне и мишшиш! Целый мешяц. Не до того была! Это оши, клещи, хмель – я не помню, говорил ли я вам...

– Да, вы уже обо всем рассказали, – прервал Редвуд. – Дело в том, как теперь быть? – сказал он, обращаясь к Бенсингтону.

– А мы-то что же будем делать? – спросил Скиннер.

– Да вам надо идти назад, к миссис Скиннер, – отвечал Бенсингтон. – Нельзя же оставлять ее одну на целую ночь!

– Нет уж, ни жа что! Хоть бы там была дюжина мишшиш Шкиннер!.. Я, шер...

– Вздор! – воскликнул Редвуд. – Осы ночью не летают. Не уховерток же бояться!

– А крыши?

– Никаких там крыс нет, – авторитетно заявил Редвуд.

6

Мистер Скиннер мог бы и не беспокоиться о своей жене: она не теряла времени даром. Часам к одиннадцати утра, когда хмель, росший буквально с тою же скоростью, с какой двигалась часовая стрелка, затемнил свет в окнах, миссис Скиннер поняла, что скоро положение ее станет безвыходным. Выглянув на минутку в окно, она приотворила дверь и прислушалась.

Все было тихо. Тогда она пошла в спальню, осмотрела все углы, заглянула под кровать и, не найдя нигде ничего подозрительного, стала укладывать пожитки с быстротою привычной к этому делу женщины. Взяв чистую простыню, она завязала в нее свою одежду, плисовую куртку мистера Скиннера, которую он носил по праздникам, нераспечатанную банку с пикулями и две герметически запаянных жестянки с Гераклеофорбией № 4, оставшиеся от запаса, которым ее снабдил профессор Бенсингтон в последний свой визит. Она была честная женщина, но в то же время бабушка, и потому сердце ее не устояло перед искушением откормить своих внучат так же, как она откармливала чужих цыплят.

Упаковав все вещи, она надела шляпку и, постояв перед открытой дверью, тронулась в опасное путешествие.

Лицо ее дышало твердой решимостью. Довольно терпеть! Не оставаться же здесь одной на целые сутки! Скиннер может возвращаться сюда, если хочет, но она не так глупа!..

Вышла она через передний ход не потому, что собиралась идти в Хиклиброу (она направлялась в Чизинг, где жили ее внуки с матерью), а потому, что задняя дверь была уже непроходима из-за хмеля, особенно сильно разросшегося на том месте, где когда-то была просыпана жестянка с Гераклеофорбией.

Дойдя до угла дома, миссис Скиннер опять остановилась и прислушалась.

Широкая трещина в песчаном бугре напротив указывала место осиных нор. Старушка внимательно осмотрела эту трещину. Утренний лет ос уже кончился, и ни одной из них не было видно, только из трещины неся глухой гул, напоминавший работу паровой мельницы. Уховерток тоже не попадалось. Вдали в траве что-то двигалось, но это могла быть кошка, стерегущая птиц.

Пройдя еще несколько шагов, миссис Скиннер увидела курятник и опять остановилась. Цыплята были теперь величиною с большого барана, но только шире. Все пять были курочками, так как два петушка на днях убили друг друга. Старушка задумалась об их судьбе.

– Бедняжки, – сказала она, кладя узел на землю, – у них нет ни воды, ни корма вот уже целые сутки! С их-то аппетитом!

Затем старушка совершила то, что, по моему мнению, можно назвать геройским подвигом милосердия. Она пошла к колодцу, накачала три ведра воды в корыто, из которого пили куры, и, пока они были заняты удовлетворением жажды, отворила курятник и поспешно пошла по тропинке через поле, к Чизингу. Взявшись на гору, она несколько раз присаживалась передохнуть, задумчиво смотря на брошенную ферму, крыша которой виднелась из-за деревьев. Три гигантских осы, летевшие к западу, заставили ее прибавить шагу и перевалить через гору. Там она успокоилась и пошла уже не торопясь к видневшемуся вдали Чизингу – тихому уголку, ничего не подозревавшему о Гераклеофорбии № 4, которая тем временем медленно, но верно приближалась к нему, плотно сжатая в жестянках, лежавших в белом узле...

7

Цыплята появились в Хиклиброу, кажется, часа в три пополудни. Появления их сначала никто не заметил, потому что на улице никого не было. Тревога была поднята криком маленького Скеймерсдэля. Мисс Дерган, сидевшая, по обыкновению, у окна в почтовой конторе, первая увидела курицу с ребенком в клюве, быстро бегущую по улице в сопровождении четырех других кур. Вам известна, конечно, неимоверная быстрота бега современных гигантских кур! Вы знаете, как опасны эти куры, когда они голодны!

Мисс Дерган, должно быть, не особенно удивилась. Несмотря на таинственность, с которою мистер Бенсингтон вел свои опыты, слухи о гигантских цыплятах на ферме Скиннера давно уже ходили по окрестностям. Во всяком случае, известно, что мисс Дерган, увидав маленького Скеймерсдэля в клюве курицы, только воскликнула:

– Господи Боже! Этого надо было ожидать!

Присутствия духа она не потеряла. Схватив запечатанную сумку с письмами, адресованными в Уршот, она тотчас же выскочила на улицу. Почти тотчас же выбежал и сам Скеймерсдэль, страшно бледный и с лейкой в руках, а через минуту и все население городка высыпало на улицу.

Вид Мисс Дерган, размахивающей сумкою, заставил курицу, которая тащила маленького Скеймерсдэля, остановиться. Потом она бросилась в открытые ворота двора Фульчера. Положение стало критическим, потому что другая курица, воспользовавшись замешательством своей товарки, ловко выхватила у нее ребенка и перескочила с ним через низкую решетку пасторского сада.

Тем временем третья курица, задетая лейкой, которую ловко бросил в нее Скельмерсдэль, отчаянно закудахтав, перелетела через коттедж миссис Глью на докторский двор, а остальные две кинулись догонять ту, которая похитила ребенка.

– О небо! – воскликнул курат (иные говорят, что он выразился гораздо энергичнее) и побежал за курами, размахивая молотком от крокета.

– Стой, негодяйка! – кричал он, как будто курица могла понять и проникнуться уважением к его сану.

Увидав, что такая надежда была бы тщетною, и что догнать курицу невозможно, он со всего размаха бросил в нее молотком, который пролетел не больше, как на фут от головы маленького Скельмерсдэля, и попал в стеклянную крышу прелестной новой теплички, построенной женой курата.

– Дзинь! – посыпались стекла.

Это еще более испугало курицу. Она бросила мальчика в лавровый куст (откуда он был немедленно извлечен без особых повреждений, но в совершенно измятом платьице), взлетела на крышу фульчеровского флигеля, попала как раз на слабое место, где черепицы раздвинулись, и провалилась в помещение паралитика мистера Бумпса, который (теперь это доказано полностью) в первый раз после болезни вскочил с постели, без всякой помощи перебежал через двор в большой зал, запер за собой дверь и тотчас же вновь впал в бессознательное состояние.

Остальные куры, преследуемые партнерами курата по игре в крокет, перебежали через его огород на поле доктора, где уже находилась зачинщица всей кутерьмы и куда вскоре явилась повредившая себе ногу виновница испуга мистера Бумпса. Все пять кур, потолкавшись на месте, покудахтав задумчиво и поклевав пчел из докторских ульев, неуклюже, вперевалку направились через поля, к Уршоту, оставив Хиклиброу навсегда.

Около Уршота они попали в ячмень, где, вероятно, и остались бы на постоянное жительство. Но их погубила слава. Непосредственным результатом вторжения гигантских кур в общественную жизнь человека явилась мгновенно развившаяся страсть бегать, перепрыгивая через препятствия, и бросать разные подходящие предметы в нарушивших его спокойствие птиц. Почти тотчас же, вслед за курами, из Хиклиброу, двинулись все способные носить оружие мужчины городка, в сопровождении некоторых леди, запасшись метательными снарядами, отправились на охоту за курами и загнали их в Уршот, где в то время был местный праздник.

Охота на гигантских кур явилась неожиданным номером развлечений на этом празднике, и уршотские жители присоединились к ополчению Хиклиброу. Перебросав в кур все, что могли, охотники гнали их до Финдона, где у кого-то нашлось ружье-дробовик. Мелкая дробь этого ружья не могла, однако, причинить никакого вреда птицам такого размера, и потому охота продолжалась вплоть до Тенбриджа, где куры разбежались, причем одна из них долго бежала по берегу рядом с вечерним пароходом, громко кудахтая и удивляя пассажиров.

Часов в пять вечера две курицы весьма ловко были захвачены собственником цирка в Тенбридже, который заманил их в клетку только что скончавшегося дромадера, разбросав в ней куски хлеба.

8

Когда несчастный Скиннер высадился в этот вечер на Уршотской станции Юго-Восточной дороги, то было уже почти темно. К тому же поезд запоздал немного, о чем мистер Скиннер не преминул сделать замечание начальнику станции. Заметив что-то необычайное в поведении последнего, он, после минутного колебания, осмелился конфиденциально осведомиться, не случилось ли чего особенного.

– Что вы называете особенным? – спросил начальник станции, человек с грубым и громким голосом.

– Ну, там оши и прочее, жнаете ли...

– Нам некогда было думать об ошах! – резко отвечал начальник станции. – Мы слишком были заняты вашими цыплятами.

– А вы ничего не слышали о мишшиш Шкиннер? – решился спросить супруг этой последней, окончательно выбитый из колеи резкостью своего собеседника.

– Что ей сделается? – воскликнул начальник станции, видимо, не желая продолжать разговор.

– Но мог же я осведомитьша о швоей жене... – обидчиво заметил мистер Скиннер, хотя и слушать это замечание было уже некому, так как начальник станции перешел, выражаясь парламентским языком, к очередным делам.

При проходе через Уршот мистер Скиннер встретил каменщика, который не преминул осведомиться, не ищет ли он своих цыплят, а на вопрос Скиннера о жене проявил полное к ней равнодушие и притом в таких выражениях, приводить которые нет особой надобности.

Было уже совсем темно – так, как только может быть темно в Англии июньской ночью, когда мистер Скиннер, или, по крайней мере, его голова, просунувшись в дверь кабака «Веселых извозчиков», воскликнула:

– Эй вы! Не слышали ли вы, какая тут иштория вышла ш моими цыплятами?

– Вот выехал! – отвечал мистер Фульчер. – Еще бы нам не слышать, когда первая часть этой истории провалила крышу моего флигеля, а вторая перебила все стекла в парнике... то бишь в оранжерее викария!

При этом известии тело мистера Скиннера последовало за головой в кабак. Помявшись посреди комнаты, Скиннер подошел к прилавку и меланхолично заметил:

– Надо бы мне выпить чего-нибудь возбуждающего... джину ш водой, что ли?..

Пока он подкреплялся, все присутствующие наперебой стали рассказывать ему о подвигах цыплят, причем Скиннер только восклицал:

– Гошподи помилуй!

– А не слышали ли вы чего-нибудь о мишшиш Шкиннер? – спросил он после небольшой паузы, последовавшей за истощением рассказов.

– Ничего не слышали, – отвечал мистер Ундерспун. – Мы о ней и не вспоминали, так же, как и о вас самих.

– Да разве вы не были сегодня дома? – спросил мистер Фульчер, прикладываясь к кружке.

– Уж не заклевали ли ее эти проклятые птицы? – заметил Ундерспун.

Такой намек подействовал на воображение всей компании и подал ей мысль сопроводить Скиннера на ферму, чтобы посмотреть, что стало с его женой. Кто знает, какие интересные вещи можно было еще увидеть в такой многозначительный день!

Скиннеру, конечно, приятно было бы идти домой не одному, но он сам же испортил дело. Стоя перед прилавком и глядя одним глазом на шкаф с бутылками, а другим в межпланетное пространство, он осторожно осведомился:

– Полагаю, что оши ваш шеводня не бешпокоили?

– Не видать их что-то было, – отвечал Фульчер.

– Должно быть, улетели куда-нибудь, – сказал мистер Скиннер и затем с неподдельным равнодушием, которое не обмануло бы и ребенка, прибавил: – Надеюшь, что никто также и не слышал о других каких-нибудь гигантских животных? Шобаках, например, кошках или о чем-нибудь в этом роде? Я думаю, что ешли ешть гигантские оши и куры, то... – и он засмеялся, как бы сам удивляясь нелепости своего предположения.

Но впечатление было уже произведено. Лица присутствующих, начинавших разбирать шапки для предстоящего похода, вытянулись.

– Да, кошка соответствующей величины... – проговорил Фульчер.

– Серьезный зверь, должно быть. Не меньше тигра, – добавил Ундерспун.

– Пожалуй, и больше...

В конце концов, члены почтенной компании вспомнили, что в такую тревожную ночь они не имеют права отлучаться от своих домашних очагов, и мистеру Скиннеру пришлось идти домой одному. Впрочем, Фульчер с сыном и Ундерспун проводили его до вершины холма, спускавшегося к темному лесу, окружавшему ферму. Остановившись на этой вершине, почтенные джентльмены смотрели вслед Скиннеру до тех пор, пока он совсем не скрылся во мраке. С тех пор его никто уже более не видал и никто не знает, что с ним случилось.

– Ну вот и ладно, – заметил младший Фульчер, когда Скиннер скрылся из вида.

– А света на ферме не видать? – спросил Ундерспун.

– Его отсюда и видеть невозможно.

– К тому же туман, – сказал старший Фульчер. Помолчали.

– Придет назад, коли там что-нибудь неблагополучно, – пожал плечами младший Фульчер, и это заключение подействовало так успокоительно, что все трое пошли спать.

В эту ночь пастух с фермы Гекстера слышал в лесу сильный визг или вой, а утром одна из его овец оказалась растерзанной на дороге к Хиклиброу и почти съеденной.

Страннее всего то, что даже останков Скиннера нигде не нашлось! Правда, несколько недель спустя в развалинах фермы найдено было что-то похожее на человеческую лопатку и бедренную кость, но они были так изгрызены и изуродованы, что точное определение их оказалось невозможным. Затем у изгороди, по дороге к Айбрайт, найден был стеклянный глаз, смотревший на свет божий с тем же оттенком глубокой мысли и скрытой тоски, которым отличалось и задумчивое око мистера Скиннера, постоянно обращенное к небу.

При более тщательных розысках в развалинах фермы были найдены также металлические остовы нескольких полотняных пуговиц, три цельных и одна сплошь металлическая (из того сорта, который обычно пришивается к известному нижнему разрезу в мужском туалете). Вполне компетентные лица признали эти пуговицы собственностью мистера Скиннера, из чего и был сделан вывод о безусловной его гибели. Что касается меня, то, ввиду всем известной идиосинкразии почтенного джентльмена, я бы на такие доказательства не положился, а предпочел бы найти побольше костей и поменьше пуговиц.

Стеклянный глаз, конечно, мог бы служить доказательством, решающим дело, если бы кому-либо было наверняка известно, что он принадлежит Скиннеру, но даже сама миссис Скиннер, как выяснилось, не знала, что у ее мужа вставной глаз. Да, кроме того, и цвет его был не тот: по показаниям миссис Скиннер, у мужа ее глаза были светло-карие, а стеклянный глаз был голубой.

Что касается предполагаемой лопатки, то я сам ее видел и ручаюсь, что любой зоолог или анатом не отличили бы показанного мне бесформенного огрызка какой-то плоской кости от такой же кости любого из домашних животных.

А куда же, наконец, девались сапоги мистера Скиннера, позвольте вас спросить? Как бы ни были извращены аппетиты и вкусы гигантских крыс, но я все-таки не могу допустить, чтобы те же самые животные, которые не доели овцы, могли съесть мистера Скиннера не только с костями, но и с волосами, с зубами, даже с сапогами и гвоздями, загнанными в каблук!

Я старательно расспрашивал всех, близко знавших Скиннера, и все они единогласно показали, что он не мог быть никем съеден. По словам одного отставного матроса, живущего в Дентон-Грине, мистер Скиннер способен был на бревне переплыть Атлантический океан и выйти сухим из воды. К этому матрос прибавил, что он не желает сказать ничего дурного о мистере Скиннере, но что таковы факты, и что он скорее согласился бы попасть в тюрьму, чем заказать себе костюм у Скиннера... Это последнее сообщение матрос сделал мне шепотом на ухо.

Говоря откровенно, я не верю, что мистер Скиннер дошел до фермы. Я полагаю, что он, следуя по линии наименьшего сопротивления и побродив вокруг да около, скрылся в неизвестность, где пребывает и доньше...

Гигантские крысы

1

Спустя два дня после исчезновения мистера Скиннера, доктор из Подборна проезжал ночью около Хэнки. Часть предыдущей ночи и целый день провозился он, помогая ничем еще не отличившемуся, но уже упрямому гражданину появиться на свет Божий, а потому страшно устал и дремал, сидя в своей одноколке. Было два часа ночи, и луна, в последней своей четверти, едва лишь показывалась из-за горизонта. Становилось холодно, и в низинах лежал густой туман. Доктор ехал один, так как кучер его захворал накануне. Смотреть было не на что, слушать было нечего, лошадь надежная – дорогу домой знает, а потому дремать доктору ничто не препятствовало.

Вы ведь сами, я думаю, испытывали когда-нибудь эту прерывистую дремоту, когда то слышишь сквозь сон однообразное постукивание колес и лошадиных подков по дороге, то совершенно погружаешься в небытие: голова падает на грудь и снова лениво поднимается... Питтер-литтер, питтер-литтер, – стучат колеса. Всякий лишний звук, как бы он ни был слаб, способен окончательно пробудить вас в такие минуты.

Так вот и доктор из Подборна был вдруг разбужен резким писком, который послышался где-то совсем близко. Очнувшись от дремоты, он осмотрелся, не заметил ничего подозрительного и, решив, что пищал, вероятно, кролик, попавшийся в силок, стегнул по лошади и вновь стал дремать...

Питтер-литтер, питтер-литтер, питтер-литтер, джвэ-э-эк!

Что такое? Доктор опять проснулся, осмотрелся, прислушался. Ничего.

Но точно ли ничего? А чья же это большая голова с круглыми ушами выглянула из-за забора и опять скрылась?

«Глупости! – подумал доктор. – Я еще не совсем проснулся».

Успокоив себя таким образом, он вновь стегнул лошадь и оглянулся на забор. Там ничего не было, да если бы и было что-нибудь, то при сильном тумане и слабом свете фонарей экипажа трудно было бы различить, что именно. Лошадь почуяла бы, если была бы какая-нибудь опасность. Но лошадь бежала ровно и спокойно.

«Просто кошмар», – подумал доктор, но, несмотря на такое заключение, заснуть уже больше не мог из-за какого-то смутного беспокойства.

Проехав несколько минут таким образом, он стал ясно различать мягкий шорох чьих-то скачков по дороге. Не веря своим ушам, он поспешил оглянуться, но дорога в этом месте круто загибалась, и он ничего не увидел. Шорох раздался опять, и доктор, сильно испугавшись, погнал лошадь, а сам стал поминутно оглядываться. В одну из таких минут он ясно увидел спину какого-то большого животного, конвульсивными прыжками скакавшего по его следу.

Доктор говорит, что ему в это время пришли даже в голову рассказы об оборотнях. Будучи образованным человеком, он, конечно, не верил этим рассказам, но почему же, однако, лошадь не чувствует опасности? Он даже налег было на вожжи, боясь, чтобы она не бросилась в сторону.

При слабом свете луны неподалеку виднелся уже силуэт поселка Хэнки. Хотя огней и не было видно, но все же помощь была близка, и доктор погнал лошадь в карьер. Тут и напали на него крысы.

Только что он успел въехать в черту поселка, как из тумана, прямо перед лошадью, выпрыгнуло большое серое животное с круглыми ушами на острой голове. Доктора особенно поразили розовые перепончатые передние лапы чудовища. За крысу он его признать никак не

мог в виду необычайной величины, но она ему показалась ужасной и сверхъестественной. Доктор вскочил, стал кричать и хлопать бичом, но, несмотря на это, крыса впилась в шею лошади. Последняя сделала скачок в сторону и понеслась поперек дороги. В это время другая крыса неожиданно прыгнула сбоку на доктора. Он отчаянно вскрикнул и со всего размаха ударил ее ручкой бича, а что было дальше – он совсем не помнит, или, лучше сказать, помнит, но смутно, тем более, что вся катастрофа совершилась в течение нескольких секунд. Окончательно он пришел в себя только в комнате каменщика и там лишь почувствовал, что сильно ушиб колено и, вероятно, ранен. Раны у него оказались препорядочные и довольно-таки глубокие: с левого плеча на значительном протяжении были содраны две параллельных ленты кожи.

Восстанавливая это происшествие по воспоминаниям доктора, рассказу каменщика и результатам катастрофы, обнаруженным при следствии, я полагаю, что все произошло следующим образом. Одновременно со второй крысой, бросившейся на доктора, третья крыса (их было три – каменщик это ясно видел) бросилась сбоку на лошадь. Лошадь ли при этом упала и увлекла в своем падении экипаж, или он опрокинулся, наскочив колесом на грядку, но доктор вдруг очутился на земле (упал или соскочил – он уже не помнит), бросился к крыльцу усадьбы и стал отчаянно колотить ручкой бича в дверь, крича:

– Отворите, отворите!

Экипаж, как я уже сказал, опрокинулся (хорошо, что это случилось во дворе усадьбы, а не раньше!), фонари разбились, керосин из них пролился и вспыхнул ярким пламенем. «Было светло, как днем», – говорит каменщик, смотревший из окна. Он проснулся еще раньше от необычайного шума. Вскочив с постели, он подбежал к окну и отдернул занавеску. Сначала ничего не было видно, но потом, когда вспыхнул керосин, каменщик увидел прежде всего силуэт доктора, бегущего к двери, затем лошадь, лежавшую на земле и судорожно дергавшую ногами, а около нее двух каких-то чудовищ, из которых одно было обращено к окну спиной, а голова другого высывалась из-за тела лошади. Третье такое же чудовище, во всей своей красе, с красными лапами, свирепыми глазами и двумя длинными острыми зубами, торчавшими изо рта, сидело около забора, обратив свою острую морду к огню. Это была, вероятно, та крыса, которая ранила доктора. Испугавшись падения экипажа и внезапного света, она, должно быть, бросилась бежать, но остановилась у забора.

Вы видали, конечно, крыс и знаете их длинные острые зубы и свирепые глаза. Представьте же теперь себе эту морду, равно как и все остальные размеры животного, увеличенными пропорционально раз в десять, да еще ночью, при легком тумане, при фантастическом освещении, и вы поймете, какое впечатление она произвела на каменщика, вдобавок только что проснувшегося и испуганного!

Не мудрено, стало быть, что он не сразу решился отворить дверь доктору, а сначала зажег огонь. Многие упрекают его за это, но я не решился бы присоединиться к их числу, не испытав предварительно своей собственной храбрости...

А доктор все кричал и стучал.

По словам каменщика, он рыдал от ужаса, когда дверь наконец была отперта.

– Засов, засов! – бормотал он, не будучи в состоянии сказать: «Заприте дверь!» Когда каменщик запер дверь, то доктор упал в кресло тут же в прихожей, и долго не мог подняться на лестницу.

– Не знаю, что это было такое, не знаю, – повторял он.

Каменщик хотел было принести ему водки, но доктор побоялся остаться один в прихожей, и они сидели здесь оба до тех пор, пока доктор не пришел в себя.

На дворе тем временем огонь успел погаснуть, и крысы вновь принялись за лошадь. Они оттащили ее к забору и ели до самого утра, так как никто не смел к ним приблизиться...

2

На другой день, часов около одиннадцати утра, Редвуд пришел к Бенсингтону с кипой вечерних газет. Бенсингтон на положении больного скучал в это время за чтением какого-то нелепого романа, взятого для него в Бромтонской библиотеке.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил он.

– Да вот осы еще двоих искусали около Чартэма.

– Кто же в этом виноват? Надо было выкурить дымом все гнездо.

– Разумеется, мы не виноваты.

– Ну, а как насчет купчей на ферму?

– Да агент все затягивает дело. Говорит, что есть другие покупатели, а когда я ему говорю, что для нас это – дело жизни или смерти, то он, потупив глаза, советует накинуть еще двести фунтов. Мне кажется, я скорее согласился бы иметь дело с гигантскими осами, чем с агентами по продаже недвижимости... Никакого понятия об общественной пользе!..

Поговорив немножко об адвокатах, агентах, вообще деловых людях и позлословив на их счет, Редвуд подошел к окну и стал смотреть на улицу.

Бенсингтон тем временем, отложив в сторону роман, сидел задумчиво в кресле и рассматривал свои руки, сложенные ладонями вместе.

– А что, Редвуд, – спросил он наконец, – должно быть и нас с вами порядочно пробирают в газетах?

– Не так сильно, как можно было бы ожидать.

– Значит, нас считают непричастными к этому делу?

– Не совсем так, но, с другой стороны, нас не особенно обвиняют и вполне соглашаются с моим мнением насчет мер, которые следует принять. Вы знаете, я ведь послал в «Тайме» письмо с объяснением всего дела...

– Не знаю. Мы получаем «Кроникс», – сказал Бенсингтон.

– Да, послал, и «Тайме» поместил длинную передовицу об этом. Очень хорошую, прекрасно написанную, с латинскими изречениями. Когда ее читаешь, то так и кажется, что-то безличное, очень авторитетное, страдающая инфлюэнцей, говорит сквозь респиратор или шарф, которым закрыт его рот и нос. В общем, вывод такой, что много толковать о данном вопросе бесполезно, а надо немедленно принять какие-нибудь меры, так как иначе, пожалуй, гигантские осы и ухвертки наделают еще больших бед. Какие следует принять меры – об этом, конечно, ни слова. Вполне государственная статья! Притом характерно английская!

– А тем временем гигантские животные размножаются?

– Очевидно.

– Неужели Скиннер был прав относительно гигантских крыс?

– О нет! Это было бы уже слишком, – сказал Редвуд. Подойдя затем поближе к Бенсингтону, понизив голос и указав на дверь, он прибавил:

– А как она относится к этому?

– Кузина Джен? Она ничего не знает. Ей не приходит в голову, что мы имеем какое-нибудь отношение к гигантским животным. Да она и газет не читает.

– К счастью для нас, – заметил Редвуд.

– Так же, как и миссис Редвуд, я полагаю?

– О нет, – отвечал Редвуд, – она как раз теперь приходит в отчаяние по поводу ребенка.

– Растет?

– Ужасно. Почти на четыре фунта прибавился в десять дней. Весит теперь больше тридцати фунтов. Это шестимесячный ребенок! Действительно, есть от чего в отчаяние придти!

– А здоров?

– Богатырь! Кормилица ушла, потому что слишком больно дерется. Не успевают шить распашонки: чуть не каждую неделю приходится менять! На днях возили его гулять, а у колясочки колесо сломалось – рыночная работа! – так привезли домой на тележке молочника. Толпа собиралась, да... Принуждены теперь класть его в кровать Джорджины, а Джорджина спит в его люльке. Ну, мать, конечно, боится. Сначала гордилась им и все хвалила Уинклса, а теперь нет! Замечает, знаете ли, что это не совсем нормально.

– А я думал, что вы его посадили на малые дозы,

– Пробовал.

– Ну что же?

– Ревет. И прежде он кричал довольно громко, но это, знаете ли, так и следует: легкие развиваются; а теперь, с тех пор, как принимает Гераклеофорбию...

– Гм! – произнес Бенсингтон, рассматривающий свои пальцы с еще большим вниманием, чем до сих пор. – Если судить по курам и осам, то он вытянется футов на тридцать или около того... при соответствующих размерах всего прочего...

– Что же мы с ним будем тогда делать?

– Вот это-то и интересно, – отвечал Бенсингтон,

– Черт возьми! Одно платье чего будет стоить... Да, наконец, – прибавил Редвуд, – как он будет жить, оказавшись единственным Гулливером среди пигмеев?

– Почему единственным? – сказал Бенсингтон и, не получив ответа, еще раз повторил: – Почему единственным?

– Не думаете же вы...

– Я ничего не думаю, я только спрашиваю: почему единственным? – сказал мистер Бенсингтон с самодовольством человека, загадавшего трудную загадку.

– Вы хотите сказать, что, может быть, и другие дети...

– Я хочу сказать только то, что сказал. Редвуд стал ходить по комнате.

– Конечно, – произнес он, помолчав немного, – возможно, что и другие... А все-таки, до чего же мы дойдем?

– Не забудьте, Редвуд, – сказал мистер Бенсингтон, очевидно наслаждаясь смущением приятеля, – что ведь и мозг его, надо думать, будет на тридцать пять футов, или около того, выше нашего уровня, а это... Что там такое?

Редвуд стоял у окна и, видимо, взволнованный, во что-то пристально всматривался.

– Что там такое? – повторил Бенсингтон, вставая.

– Надо купить газету, – сказал Редвуд, бросаясь к двери.

– Да в чем дело?

– Там газетчик... с заголовком большими буквами...

– Ну, так что ж?

– Да я не разобрал хорошенько... Надо купить газету... Что-то о гигантских крысах.

– Крысах?

– Ну да. Скиннер оказался прав, очевидно.

– Так вы думаете.

– Что я могу думать, пока не куплю газеты? Гигантские крысы! Уж не съели ли они его?

Поискав шляпу, Редвуд выбежал без нее. Пока он спускался с лестницы, на улице слышался крик газетчика:

– Ужасное событие в Кенте! Ужасное событие в Кенте! Крысы съели доктора... Ужасное событие! Доктор съеден огромными крысами! Подробное описание!..

3

Коссар – известный инженер – нашел их обоих у подъезда дома. Редвуд держал газету, а Бенсингтон, стоя на цыпочках, заглядывал в нее через плечо своего приятеля.

Коссар был здоровый малый, с неуклюжими конечностями, как бы случайно попавшими на предназначенные места, и лицом, похожим на неоконченный резной барельеф, забракованный в самом начале работы: глаза были едва обозначены, нос остался четырехугольным, нижняя челюсть выдвигалась вперед, волосы расходились от головы по касательным линиям. В общем, вряд ли кто нашел бы его красивым. К тому же он сильно пыхтел, а говорил тоненьким голосом и всегда с оттенком недовольства или горькой жалобы. Одет он был в серую пиджачную пару, а голову слегка прикрывала шелковая шляпа.

Подъехав к дому в кэбе, он засунул свою громадную красную руку в карман брюк, вынул кошелек, расплатился с извозчиком и начал грузно подниматься по ступенькам, причем под мышкой у него оказалась аккуратно сложенная афиша, которую он взял в руки, как только освободился от кошелька.

– А что там насчет Скиннера? – спросил Бенсингтон, не замечая Коссара.

– О нем ничего нет, – отвечал Редвуд. – Должно быть, съеден.

– Оба съедены. Это ужасно! А, Коссар!

– Это ваше дело? – воскликнул Коссар, размахивая афишей. – Чего же вы не прекратите эти безобразия? Разве ферма не ваша?.. Бессмыслица! Я знаю, вы такой народ, что вам все равно!.. Что вам делать? Как что делать? Я вам скажу, если хотите!.. Ступайте в оружейный магазин... конечно... Зачем? А затем, чтобы ружья купить... Магазин тут недалеко... Купите восемь ружей, самых больших... Для слонов?.. Нет, поменьше... Пехотных?.. Нет, побольше. Скажите – в быков стрелять... Не в крыс, помните. Никто не поймет. Скажите, для охоты на буйволов. Слышите? Почему восемь? Да меньше нельзя... Да не забудьте купить патронов... а то ведь вы, пожалуй, купите только одни ружья. Берите сейчас же извозчика. Где это? В Уршоте? Значит, на станцию Чаринг-Кросс. Поезд будет после двух часов дня. Согласны? Прекрасно!.. А разрешение у вас есть?.. Какое разрешение? На ружья разрешение. Не на охоту, помните. Ведь это крысы, не дичь. Это не охота. Возьмите сразу восемь разрешений... обязательно восемь... В почтовой конторе... Ну, что еще? Ах, да, у вас есть телефон? Есть? Ну, так я сейчас позвоню к пятерым моим товарищам по клубу... Почему к пятерым? Да потому, что ружей будет восемь: нас трое да их пятеро... Куда же вы, Редвуд?.. За шляпой? Чепуха! Берите мою! Нам нужны ружья, а не шляпы!.. Деньги есть? Хватит? Ладно!.. А где ваш телефон, Бенсингтон?

Такому стремительному натиску приятели, очевидно, противостоять не могли; они растерялись и покорно исполняли все распоряжения энергичного инженера. Бенсингтон повел его к телефону. Переговорив с кем следует, Коссар вновь напал на Бенсингтона.

– Кроме крыс, там есть еще осы, – сказал он. – Надо запастись серой и селитрой. Обязательно! Вы сами химик...

Где можно достать селитру целой тонной, но в портативных мешках?.. Зачем?.. Да конечно затем, чтобы выкуривать ос!.. Или, может быть, для этого лучше взять серу... Я почему знаю! Ведь вы химик, а не я!.. Так серу лучше?

– Я думаю, что лучше взять серу...

– А более подходящего ничего нет?.. Ну, ладно. Это уж ваше дело. Ладно. Закупайте же как можно больше серы, И селитры захватите, а то гореть не будет... Куда посылать? Разумеется, на Чаринг-Кросс. Прямо до места. Да сами посмотрите, чтобы все было сделано... Что еще?

Коссар задумался на минутку.

– Да! – воскликнул он почти тотчас же. – Гипсу. Лучшего гипсу, чтобы залепить дыры, понимаете...

– Сколько?

– Сколько чего?

– Серы.

– Да целую тонну, конечно!

Бенсингтон, хотя и трясущимися руками, но с видимой решительностью надвинул поплотнее очки на нос и сказал:

– Ладно.

– А деньги есть? – спросил Коссар. – К черту чеки. Вас там могут не знать. Платите наличными. Обязательно! Где ваш банк? Ступайте сейчас же и возьмите сорок фунтов.

Пауза и краткое размышление.

– Если мы предоставим это дело полиции, то она весь Кент вверх дном перевернет, – продолжал Коссар. – Ну, что же еще? Кажется, ничего больше?

Он высунулся в окно и махнул рукой извозчику.

– Кэб, сэр? – спросил тот.

– Обязательно!

Затем Коссар вместе с Бенсингтоном, оба без шляп, сбежали с лестницы.

– Я полагаю, – решил заметить Бенсингтон, смотря на окна своей квартиры и держась за край коляски, – что мне следовало бы предупредить кузину Джен...

– На это будет больше времени, когда вернетесь, – сказал Коссар, подсаживая его в экипаж своей громадной ручищей.

– Умные люди, – заметил он вдогонку, – а никакой решимости. Есть тут время возиться с кузиной Джен! Я ведь знаю ее! всю страну заполнили эти кузины Джен! Думаю, теперь они провозятся с этими делами до самого вечера. Черт их знает, с чего они такие! Наука ли это действует, или кузина Джен, или еще что...

Бросив эту туманную тему, Коссар посмотрел на часы и решил, что у него как раз хватит времени, чтобы заехать в ресторан и наскоро позавтракать, пока Бенсингтон отправится за деньгами, гипсом и серой.

Поезд отходил в пять минут четвертого, а без четверти три Коссар был уже на станции, где застал Бенсингтона в горячих пререканиях с двумя полисменами и извозчиком, стоящим около вокзального подъезда. Редвуд, со своей стороны, вел оживленные дебаты в багажном отделении по поводу каких-то технических тонкостей, касающихся перевозки большого ящика с патронами. Оказалось, что никто не имеет права разрешить погрузку этого ящика и никто не знает, как с ним быть и к кому обратиться за разъяснением, как это всегда бывает на железных дорогах, когда дело спешное.

– Жаль, что нельзя перестрелять всех этих чиновников и заменить новыми! – заметил Коссар со вздохом.

Но так как для более решительных мер времени оставалось слишком мало, то он решил прибегнуть к паллиативам: откопал где-то в укромном местечке начальника станции, или, по крайней мере, субъекта, которого самовольно признал за такового, взял его за руку, провел по платформе и, отдавая его именем приказания, так быстро уладил все дела, что железнодорожные чиновники не успели заметить нарушения всех своих священнейших правил и традиций.

– Да кто это такой? – спросил предполагаемый начальник станции, потирая руку, побывавшую в лапах Коссара.

– Должно быть, важное лицо, сэр, – отвечал носильщик. – И он, и вся его компания едут в первом классе.

– Ну, кто бы он ни был, хорошо, что мы скоро от него отделались, – заметил начальник станции.

Направляясь обратно в укромное местечко, из которого Коссар его извлек, и в котором высшие сановники железнодорожного управления спасаются от докучливых простых смертных, он все еще продолжал улыбаться. Энергия неизвестного джентльмена, так легко разрушившая чары всевозможных правил и уставов, стесняющих не только публику, но и самих исполнителей, очевидно, ему понравилась.

«Ведь вот он как просто, – подумал он, – а наше-то дурачье до этого никогда не додумается!»

4

В пять часов того же дня неутомимый Коссар, запасшись всем необходимым для войны с мятежной фауной Кента, находился уже на пути к ферме. Два бочонка парафина и целый воз сухого хвороста он купил в Уршоте. Несколько мешков с серой, восемь больших винтовок с запасом разрывных пуль, три охотничьих двустволки с дробовыми патронами (на ос), топор, три лопаты, два багра, заступ, две связки веревок, несколько дюжин бутылок с пивом, содовой водой и виски, целый gross пакетиков с мышинным ядом и холодная провизия на три дня были доставлены из Лондона. Все эти вещи, исключая ружья и патроны, самым аккуратным образом нагруженные на угольную повозку и сенную фуру, были высланы вперед, по дороге в Хиклиброу, ружья же с патронами поместились под скамейками фургона, приготовленного для самих охотников, то есть для Редвуда и пяти членов клуба, вызванных по телефону.

Коссар устроил все это очень скоро и просто, несмотря на то, что в Уршоте царствовала паника, а извозчиков было трудно найти. Лавки на площади были заперты, и весь город точно вымер. Обыватели сидели по домам и никого к себе не впускали, так что приходилось переговариваться с ними через окна. Коссара это нисколько не стесняло: он, по-видимому, находил такой способ деловых отношений чрезвычайно удобным.

В конце концов он взял из «Красного Льва» тележку и вместе с Бенсингтоном отправился догонять багаж. На перекрестке они его догнали и прибыли в Хиклиброу первыми.

Бенсингтон, сидя около Коссара в тележке, с ружьем между коленями, предавался удивлению. Все, что они до сих пор сделали, было, конечно, по словам Коссара, вполне в порядке вещей, и в этом не было ничего необыкновенного – право же!.. В Англии так редко приходится делать обыкновенные вещи. Он перевел свой взгляд с ног соседа на его руки, твердо державшие вожжи. Коссару, должно быть, никогда прежде не приходилось править, но он, тем не менее, видимо, считал это занятие вполне для себя обыкновенным и справлялся с ним как нельзя лучше, просто потому, что не мудрствовал и не изощрялся, а следовал по линии наименьшего сопротивления.

Окрестный ландшафт напомнил Бенсингтону еще недавнее, но столь уже отдаленное утро, когда он шел пешком из Уршота на ферму – полюбоваться своими цыплятами.

Да... судьба наверняка смеется над ними.

– Но, но! Эй, вы, прокислые! – покрикивал Коссар.

Вечер стоял жаркий. Ни малейшего ветра. Пыль неподвижным столбом висела в воздухе. Проезжих на дороге было мало, и лани спокойно паслись за частоколом парка. Как раз около Хиклиброу Бенсингтон и Коссар увидели двух гигантских ос. Они объедали куст крыжовника, тогда как третья ползла по стене мелочной лавочки, как бы желая найти вход. Внутри лавки виднелся хозяин, притаившийся за дверью со старым охотничьим ружьем в руках.

Когда поезд с багажом и охотниками прибыл в Хиклиброу, то старший возчик доложил Редвуду, что дальше они не повезут. К этому заявлению присоединились и все остальные возчики. Они даже отказались отпустить хотя бы одних лошадей.

– Эти проклятые крысы особенно падки до лошадей, – повторил старший погонщик.

Коссар с минутку слушал эти заявления, а потом, обращаясь к одному из своих приятелей, высокому, беловолосому, очень грязному инженеру, скомандовал:

– Дай мне ружье из фургона!

Взяв в руки ружье, он подошел к возчикам и сказал:

– Мы вовсе не требуем, чтобы вы сами везли нас, но лошадей мы возьмем, хотя бы силою. Возчики подняли ропот, но Коссар прервал его категорическим заявлением:

– Первому, кто попробует мне помешать, я стреляю по ногам. Лошади идут с нами.

Признав таким образом инцидент исчерпанным, Коссар начал распоряжаться.

– Флэк, – сказал он коренастому маленькому человечку из своей свиты, – берите фургон, а вы, Бук, садитесь на фуру.

Возчики стали жаловаться Редвуду.

– Вы, друзья мои, свободны от всякой ответственности перед вашим хозяином, – отвечал им ученый, – потому что мы берем лошадей силою. Но беспокоиться вам все-таки нечего: мы вовсе не какие-нибудь грабители, а поступаем так потому, что нас вынуждают обстоятельства. Оставайтесь здесь до нашего возвращения, и я обязуюсь уплатить за лошадей, если с ними что-нибудь случится.

– Отлично, – одобрил Коссар, сам никогда ничего и никому не обещавший.

Импровизированные возчики расселись по козлам, а остальная компания пошла пешком, неся на плечах ружья. Удивительная это была экспедиция, совершенно не подходящая к мирной обстановке современной Англии и более соответствующая Дальнему Западу Америки в доброе старое время индейских нашествий.

Дойдя до поворота, с которого уже видна была ферма, экспедиция встретила маленькую группу людей с ружьями. В состав этой группы входили, между прочим, оба Фульчера и один обыватель из Мейдстона. Последний стоял впереди всех и смотрел в бинокль на ферму.

– Есть что-нибудь новое? – спросил Коссар.

– Да вон осы все летают туда и сюда, – отвечал старший Фульчер, – а не видать, таскают они что-нибудь или нет.

– Все очень быстро зарастает хмелем, – сказал человек, смотревший в бинокль. – Между соснами сегодня утром его еще не было. Растет на глазах.

Он вынул платок и старательно протер стекла бинокля.

– Вы, кажется, туда изволите идти? – спросил Скеймерсдэль.

– Да. Хотите с нами? – спросил Коссар. Скеймерсдэль, видимо, колебался.

– Мы там останемся на всю ночь. Скеймерсдэль решил, что не пойдет.

– Видали крыс? – спросил Коссар.

– Одну видели в лесу. Охотилась за кроликами, должно быть.

Коссар, отставший от своей партии, поспешил догнать ее.

Увидав теперь свою ферму, Бенсингтон мог воочию убедиться в достоинствах изобретенной им пищи. Домик показался ему теперь меньше, чем прежде, а растительность вокруг страшно разрослась. Крыша колодца едва виднелась из-за травы футов в восемь высотой, а хмель взобрался на крышу дома, обвил дымовую трубу и простирал свои побеги к небу. Цветы его были величиной с блюдечко, так что виднелись издали, а ветви казались толстыми канатами. Крапива, заполнившая почти весь двор, походила на коноплю, а местами чуть не равнялась с хмелем. Чем ближе подходила партия охотников к ферме, тем более напоминала собою процессию сказочных гномов, бредущих к кукольному домику, затерявшемуся в исполинском дремучем лесу.

Осы летали над своим гнездом и казались издали стаями больших птиц. По временам некоторые из них весьма быстро отлетали куда-то в сторону, – вероятно, за добычей. Шум они производили страшный, слышный, по крайней мере, за полмили. Раз одно из этих черно-желтых чудовищ подлетело довольно близко к партии и преследовало ее некоторое время, пристально

всех разглядывая своими выпученными глазами, но выстрел Коссара, хотя и неудачный, заставил осу улететь.

В одном из углов двора, справа от дома, несколько ос ползало по каким-то костям, – вероятно, бранным останкам ягненка, которого крысы утащили с фермы Гекстера. При приближении к ферме лошади стали очень беспокоиться, а так как никто из импровизированных кучеров не умел править, то все сошли с козел и повели лошадей под уздцы, стараясь их успокоить.

Крыс нигде еще не было видно, и вообще вокруг домика все было спокойно и тихо, если бы в воздухе не стояло постоянное, утомлявшее слух, то высокое, то низкое гудение ос.

Лошадей ввели во двор, и один из приспешников Коссара, увидав, что дверь домика открыта, – средняя часть ее оказалась выгрызенной, – смело вошел туда. Сначала никто этого не заметил, потому что вся компания была занята выгрузкой серы и парафина, как вдруг – бац, бац! – грянули два выстрела в домике, и одна из пуль, просвистев над ухом Редвуда, ударилась в мешок с серой, пробила его и подняла столб желтой пыли. Редвуд схватил свое ружье и выпалил из обоих стволов во что-то серое, быстро промчавшееся мимо него. Он успел заметить только широкую спину, длинный голый хвост и розовые лапы, характерные для крыс. В то же время он увидел, что Бенсингтон, стоявший на пути крысы, падает.

Собственно говоря, в момент появления крысы не один Редвуд схватился за ружье. Это сделали все присутствующие, так что минуты три на ферме шла безумная пальба, и жизнь каждого из участвовавших в ней, висела на волоске.

В пылу охотничьего возбуждения Редвуд, не заботясь о судьбе Бенсингтона, бросился было преследовать крысу, но тотчас же был сбит с ног черепицами и штукатуркой, посыпавшейся со стен домика от чьего-то неудачного выстрела. Очнулся он, сидя на земле, с окровавленным лицом и руками, среди всеобщего жуткого молчания.

Спустя несколько секунд из домика послышался глухой возглас:

– Эй! Кто там?

– Я, – ответил Редвуд.

– Убили, что ль, этого черта?

К чести Редвуда следует отметить, что чувство дружбы заговорило в нем.

– А что, мистер Бенсингтон цел? – спросил он.

– Ну, что делать, в другой раз будем счастливее, – отвечал человек, находившийся внутри домика, не расслышав вопроса.

Тревога Редвуда усилилась. Позабыв о царапинах на своем лице и руках, он бросился искать своего друга, которого вскоре нашел спокойно сидящим на земле и заряжающим свое ружье.

– А ведь мы все-таки ей всыпали! – воскликнул Бенсингтон, смотря на Редвуда через очки. – Она перескочила через меня и сбила с ног, но я все-таки попотчевал ее из обоих стволов.

В эту минуту из дверей домика вышел инициатор всей тревоги.

– Я ей угодил в грудь, а другой раз в бок, – сказал он.

– А где же наши возы? – спросил Коссар, высываясь из-за кустов хмеля.

К величайшему удивлению Редвуда, скоро стало очевидным, что, во-первых, никто не убит и не ранен, а во-вторых, что испуганные выстрелами лошади бросились в огород и стояли там теперь, ярдов за пятьдесят от домика, зацепившись колесами экипажей и спутав постромки. На половине этого расстояния лежал разбитый бочонок с парафином, а дальше были разбросаны мешки с серой. Вся компания направилась к лошадям.

– Куда же крыса девалась? – спросил Коссар. – Первую пулю я всадил ей между ребрами, а другим выстрелом расшиб всю морду! Она как раз повернулась ко мне передом... Ловко попал!..

Пока они распутывали лошадей, из леса появились два приятеля Коссара.

– Я убил крысу, – сказал один из них.

– Где же она?

– Джим Бете нашел ее за забором. Я в нее выпалил как раз, когда она заворачивала за угол... Ловко попал: под левую лопатку!

Справившись с лошадьми и экипажами, все пошли смотреть убитую крысу. Она лежала, согнувшись, на боку. Торчавшие изо рта резцы придавали ее физиономии обиженный вид, в котором не было ничего жестокого и ужасного. Голые передние лапы крысы напоминали исхудалые старческие руки. Помимо одной кругленькой ранки за правым ухом, никаких повреждений на теле ее не оказалось.

– Как же это так?.. – сказал задумчиво Редвуд, – должно быть, крыс было две.

– Должно быть... И та, в которую все попали, ушла, к несчастью, – заметил кто-то.

– Но я уверен, что мой выстрел... Говорите, что хотите, а я... Своими глазами видел... – заговорили все разом, и долго, может быть, говорили бы, если бы пронзительное жужжание осы, пролетевшей на близком расстоянии, не заставило импровизированный парламент прекратить дебаты и перейти к очередным делам.

Инцидент с крысой заставил всех быть осторожнее, но не лишил энергии.

Запасы были сложены в домике, очевидно, подвергшемся по уходу миссис Скиннер разграблению крысами; лошадей отвели назад в Хиклиброу; мертвую крысу перетащили через забор и положили в виду окон домика, причем случайно наткнулись на кучу ухверток. Эти насекомые (действительно необычайных размеров, хотя и не таких, как показывал мистер Скиннер), поспешили разбежаться, но Коссару, проявившему при этом необычайную деятельность, удалось передавить ногами и прикладом очень многих.

Затем двое принялись вырубать топором хмель вокруг дома и едва могли с ним справиться, так как толщина стволов достигала двух футов в диаметре. Коссар приводил в порядок дом, а один из его приятелей, электротехник, вместе с Бенсингтоном и Редвудом отправился искать крысиные норы.

Старательно обходя кусты гигантской крапивы, утыканные ядовитыми шипами в целый фут длиною, они шли вдоль, изгрызенного и полуразрушенного забора, как вдруг наткнулись на большое пещерообразное отверстие в земле, из которого несло отвратительным запахом. Из осторожности все вытянулись в линию и держали ружья наготове.

– Надеюсь, что они выйдут, – заметил Редвуд.

– А если нет... – отозвался Бенсингтон. Оба задумались.

– Если лезть туда, – продолжал Редвуд, – так ведь надо хоть свечей взять с собой, что ли...

– Не сейчас же этим заниматься, – решил электротехник.

Товарищи принуждены были с ним согласиться, и потому все трое отправились по тропинке, усыпанной белым песком, к сосновому лесу. Выйдя на его опушку, они остановились в виду песчаного холма, занятого гнездами ос.

Солнце уже садилось, и осы слетались на ночь домой. Не смея показаться из-за деревьев, охотники довольно долго смотрели на этих опасных насекомых, летавших целым роем, ползавших, скрывавшихся в отверстиях, ведущих к гнезду.

– Часа через два они совсем затихнут, – сказал Редвуд. – Точно опять ребенком становишься... – прибавил он, помолчав.

– Ночью нам нужно отыскать эти отверстия, если даже будет очень темно, – заметил Бенсингтон. – А кстати, как насчет света?

– Нынче полная луна, – отвечал электротехник. Пошли советоваться с Коссаром.

Он сказал, что серу, селитру и гипс «обязательно» нужно пронести через лес до наступления темноты. В полной тишине все принялись за работу, осы затихли, и вокруг можно было слышать только осторожные шаги да крахтение под тяжестью мешков. В работе участвовали

все, кроме Бенсингтона, очевидно, к ней не способного. Ему дали ружье в руки и посадили в скиннеровскую спальню стеречь труп крысы. А остальные попеременно отдыхали от таскания кулей, сторожа выход крысиной норы, что, конечно, было бы очень скучно, если бы часовых не развлекали созревшие пыльники хмеля, лопающиеся со звуком, подобным пистолетному выстрелу, причем пыльца, величиною с просыное зерно, разлетались во все стороны.

Мистер Бенсингтон сидел у окна, в жестком, набитом конским волосом кресле, спинка которого была покрыта старым, грязным антимакассаром, долгое время придававшим гостиной Скиннеров аристократический вид. Непривычное для него оружие стояло прислоненным к подоконнику, а сам великий ученый пристально смотрел сквозь свои очки на труп убитой крысы. Из окна до него доносился приятный запах хмеля. Тишина стояла невозмутимая, солнце давно зашло, но ночь еще не успела наступить окончательно.

В комнате пахло жильем: пивом, сыром, гнилыми яблоками и больше всего старыми сапогами. Этот последний запах напомнил Бенсингтону об исчезнувших Скиннерах, хотя помимо запаха, вся обстановка напоминала о них. Обстановка эта, правда, была значительно попорчена крысами, но рваное платье, висевшее на вешалке, около двери, бритва, которая валялась на столе вместе с грязными обрывками бумаги, кусочек мыла, затвердевший и растрескавшийся от долгого лежания, – все это носило на себе явный отпечаток индивидуальности Скиннера. Бенсингтону впервые вполне отчетливо пришло на ум, что последний был разорван на части и съеден, может быть, той самой крысой, которая лежит теперь убитая.

Как подумаешь, к чему может привести самое невинное открытие в химии...

Вот он теперь находится в цивилизованной стране, казалось бы, давным-давно покорившей природу и приспособившей ее для безопасности человека, а между тем, где эта безопасность? Где тот комфорт, который с таким трудом вырабатывали десятки поколений англичан? Можно ли думать о комфорте и безопасности, когда сидишь один-одинешенек, в полуразрушенном доме, ночью и с ружьем в руках? Боже мой! Какая резкая перемена в жизни! Какое испытание! И ведь надо же было, чтобы он пошел на это испытание, даже не сказав ни слова кузине Джен.

Что она теперь о нем подумает?

Бенсингтон попробовал представить себе, что теперь думает кузина Джен, и не мог. Ему казалось, что они теперь разлучены навсегда и в этой жизни больше не встретятся. Он чувствовал, что вступает в какой-то новый, неизмеримый и неведомый мир.

Кто знает, какие еще чудовища скрываются в этом мраке...

Бенсингтон выглянул в окно. Вьющиеся побеги гигантского хмеля резко выделялись на желтовато-сером фоне западной части горизонта. Труп крысы был едва виден. Тишина стояла полнейшая, так что Бенсингтону поневоле пришло в голову, что товарищи его бросили. Тень под навесом сарая казалась входом в мрачную пещеру...

Бац!.. Бац!.. Бац!..

Громкое эхо и крики.

Продолжительное молчание.

Бац!

Слабое эхо, а затем полная тишина.

– Наконец-то!

Из мрака выделяются фигуры Редвуда и Коссара. Первый кричит: «Бенсингтон!» Второй перебивает: «Бенсингтон! Мы ухлопали вторую крысу!»

– Коссар убил вторую крысу! – подтвердил Редвуд.

5

Пока экспедиция подкрепляла свои силы, стало совсем темно. Звезды на небе ярко блистали. Бледный свет над холмами возвещал появление луны. Стража у крысьей норы бодрствовала, но часовые перешли на холм, повыше, чтобы удобнее стрелять. Они сидели, скорчившись на росистой траве, и, чтобы не пострадать от сырости, усердно тянули виски. Остальная компания, вместе с главными руководителями экспедиции, заседала в домике, обдумывая ночной набег на осиные гнезда, и тоже щедро подкрепляла свои силы спиртными напитками. Луна поднялась над горизонтом к полуночи, и, как только лучи ее осветили долину, Коссар повел своих соратников к логовищам неприятелей.

Закупорить большую часть выходов в эти логовища оказалось задачей удивительно простой, хотя и сопряженной со смертельной опасностью, если бы неприятель проснулся раньше времени. Закупорив часть дыр, друзья навалили перед другими кучи серы с селитрой, зажгли их почти одновременно, и затем вся компания, кроме Коссара, не сговариваясь, бросилась бежать с холма в долину, к лесу, где и остановилась в тени деревьев. Через две или три минуты из осиных гнезд послышалось глухое жужжание, вскоре, однако, прекратившееся.

– Неужели все кончилось? – спросил Бенсингтон шепотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.